26.890(2)
Л-18
47994.

А. Авдеев

Коми республиканская
библиотека

Советская Пекора

Проверено
1950

24/IV-2549

46 84
26890(2)
91
А-18

А. АВДЕЕВ

СОВЕТСКАЯ ПЕЧОРА

61794

АБОНЕМЕНТ
Обл. Центр. Бібліотекалöн
— Сыктывкар —

КОМИ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЫКТЫВКАР 1940

1. «ПЕЧОРСКИЙ КЛИН».

Необозримы таежные просторы печорских лесов. Конца-краю не видно унылым и холодным припечорским тундрам. Суровый и малонаселенный край, превосходящий своей территорией несколько вместе взятых европейских государств. Полуколониальная окраина бывшей царской России, «места не столь отдаленные», служившие источником самых различных представлений и легенд.

...Страна ледяного безмолвия, мертвое царство, где господствует холод, скитаются звери и где жалкие люди еле влачат свое несчастное существование... Край, где невозможно водворить какой-либо живой элемент... Дикий, пустынный Север, откуда, из-за пустынных льдов, необходимо весь народ удалить во внутренние страны... Труднодоступный край, не приносящий никакой пользы государству и не имеющий никакого будущего...—Таковой была Печора в представлениях многих невежественных теоретиков и «государственных мужей», вершивших судьбы нищей и кандальной Российской империи.

Люди, утверждавшие обратное, приводившие неопровержимые данные об исключительных природных богатствах края и доказывавшие полную возможность промышленной разработки его богатейших недр, организации различных промыслов, земледелия, устройства путей сообщения, об'являлись помешанными и вынуждены были годами и десятилетиями бесцельно обивать пороги различных ведомств и канцелярий. Голод и запустение оставались уделом Печорского края, служившего лишь придатком империи.

Характерны географические особенности края. Обширная территория его—320 тысяч квадратных километров—стиснута с одной стороны хребтом Северного Урала — на северо-востоке и с другой — протянувшимся на запад каменистым Тиманским кряжем. И между ними — бассейн Печоры с густой сетью ее многочисленных больших и малых притоков — Печорская низменность. Широкая у берегов холодных морей Ледовитого океана, она постепенно суживается к югу и образует огромнейший треугольник, вершина которого кончается у самых истоков великой северной реки. Форма этой низменности настолько характерна, что ее иногда называют «Печорским клином».

Голые и неуютные тундры сменяются чахлой растительностью, пе-

реходящей в южной части «клина» в беспредельные просторы дремучих таежных лесов. Лесами покрыто свыше 14 миллионов гектаров площади Печорского бассейна.

«В ранний период истории земли Печорская низменность была покрыта обильной, мощной растительностью. Попадая в многочисленные озера — остатки бывшего некогда здесь моря — эта древесная растительность засыпалась наносными, а затем, в ледниковый период и после отступления льдов, ледниковыми отложениями. Когда ледник растаял, на его месте выросли новые леса — современная тайга. Но в глубине недр под толстым слоем отложений ледникового времени образовались угли, пласты которых теперь кое-где выходят на поверхность. Бурый уголь и твердые антрациты, нефть... на притоке Ижмы, Ухте и в районе Кожвы являются главными ископаемыми богатствами Печоры». *)

Столетиями лежали они мертвым, обесцененным кладом, накрепко замурованным всей системой прогнившего царизма. И только волей большевистской партии, свободного советского народа раскрылись недра края, и богатства их поставлены на службу социалистическому строительству. Далекая и забытая Печора включается в мощный народнохозяйственный комплекс великой страны социализма. Под ярким солнцем Сталинской Конституции еще больше расцветает и богатеет край на благо родине, на счастье ее народов.

В нижней части бассейна Печоры, с ее Большеземельской и Малоземельской тундрами, раскинулся Ненецкий национальный округ Архангельской области. Зажиточной и культурной жизнью живет заново возрожденный Великой Социалистической Революцией ненецкий народ.

«Каждый год повторяются весна, лето, осень и зима. Не повторится только старая жизнь. Другая жизнь стала и песни другие будут.... Сыновья и сыны сынов не будут знать бедности отцов, отцы не будут знать неволи и бедности сыновей».—Так поет один из носителей и творцов народного ненецкого эпоса Тайбарей. И в рожденных самой жизнью песнях счастливого народа — новое, яркое подтверждение торжества сталинской национальной политики.

Средняя Печора с ее основными притоками Цильмой, Ижмой и Усой составляет Печорский округ автономной республики Коми, занимающий 204 тыс. квадратных километров из общей площади республики в 375 тыс. квадратных километров. Здесь создается мощный индустриальный район, топливно-энергетическая база Европейского Севера Союза.

II. РАЗБУЖЕННАЯ ТАЙГА.

День обещал разыграться на-славу. Ни одного облачка на раскинувшемся огромным голубым шатром небе. В воздухе—спокойная, приятная тишина. Казалось, все окружающее: и солнце в ласковом своем сиянии, и озаренные им, и ставшие от того много краше дома, и гладкая, уходящая в даль солнечная улица — все, все в это прекрасное августовское утро желало нам счастливого пути.

*) Журн. «Наша страна», № 8, стр. 19—20, 1938 г.

Тофопились с выездом. К ночи нужно попасть в Ухту, отстоящую в 340 километрах от столицы автономной республики Коми — Сыктывкара. Это лишь первый этап намеченного большого маршрута по районам Печорского округа.

На пути село Устьвым, один из исторических центров народа коми. Здесь открываются многочисленные следы древнейшей, доисторической культуры. На одной из дюн около Устьвымской пристани в 1919 году была, например, найдена стоянка каменного века. Под толстым пластом навеянного песку обнаружен культурный слой черного и серого цвета с углем, обожженными костями, шлаками; в нем найдено множество черепков из светлосерой глины, большая часть которых покрыта глубоким орнаментом. По всему склону дюны рассеяны многочисленные осколки кремня. Ближе к реке имеется кострище; на нем был найден кусочек бронзы.

Со дна Выми, близ ее устья, исследователям удалось достать голову каменного идола очень грубой формы. Хорошая коллекция идолов и других поделок была собрана в 1779 году под устьвымской церковью, построенной, по преданию, на месте священной березы.

Интересную легенду об этой березе, будто бы почитавшейся одной из величайших святынь народа коми и уничтоженной Стефаном Пермским, приводит М. Михайлов в своей книге «Описание Устьвыма». «По прибытии в Устьвым, Стефан поселился на горе, в месте лесном и пустынном, подле чтимой зырянами кумирницы, куда они приходили на поклонение идолам. Близ кумирницы находилась необыкновенной величины береза, толстая в об'еме и широковетвистая: «бе бо древо то велико зело, яко и трием человеком едва обняти возможно быть: вельми прокудливо». Идолопоклонники почитали березу как божество и приносили ей в дар дорогие шкуры пушных зверей; навешивая их на ветви, совершали свои обряды, вопрошали березу о будущем и получали пророческие ответы». Стефан решил уничтожить ее. Когда он рубил березу, «за каждым ударом разносились в воздухе жалобные стоны и крики: «Стефане, Стефане, зачем нас гониши? Сие наше есть древнее пребывание»; за каждым ударом струились из дерева разноцветные ручьи смрадной крови». Как ни старался Стефан, нехватило у него ярости одолеть за день березу: ушел, оставив в дереве свой топор. На следующий день дерево вновь было цело, а топор лежал на земле. Лишь на третий день свалилось дерево «с ужасным грохотом и воплем, земля под ним потряслась, и воды реки всколыхались. Стефан велел разрубить березу на части, разломать кумирницу, наносить сухого хворосту, сделать высокий костер и поджечь его. «Береза запылала неестественными огнями. Черное облако дыму клубом поднялось на воздух и омрачило землю, треск и шум раздавались далеко в окрестностях». Когда все сгорело, «небо покрылось тучами, ударил гром, полился проливной дождь, поднялась сильная буря, и ветер развеял пепел от кумирницы и березы прокудливой» *).

Здесь, в Устьвыми, был отправной пункт распространяемой

*) «Описание Устьвыма», Вологда, 1851, стр. 63—68, 338.

миссионерской деятельности Стефана Пермского, за спиной которого стоял кровавый царизм.

Через переволок на Выми, по Ухте, Ижме и Печоре, через Усу и Собь проходил древний торговый путь из Великого Новгорода в Сибирь. Юрята Рогович, посланец Великого Новгорода, еще в XI веке проходил здесь для сбора дани с населения Печорского края. И не этим ли путем воевода Курбский ходил в Сибирь завоевывать московскому царю Ивану Третьему титул царя Югорского? Летописи говорят, что в 1499 году царь Иван Третий «послал из Москвы на Печору воевод Курбского и Ушатого с войском, которое, переехав из Печоры на оленях через Уральский хребет в количестве 4024 человек, покорило там 41 вогульский город, взяло в плен 1009 человек лучших людей, 50 князей и 8 голов и через четыре месяца возвратилось в Москву».

Есть ряд авторитетных указаний о том, что из Москвы в Сибирь ходили через Устюг; затем дорога шла на Сольвычегодск, Яренск и далее по Выми на Печору, Щугор и через Урал на Сыгву и Сосву. Этим же путем в 1608 году приезжал на Русь остяцкий князек Игичей Алачев, а в 1618 г., по замечанию тобольских воевод, был большой приезд торговых людей с товарами «с Выми через Камень на Березов, а с Березова, не займуя Тобольска, в Супрут, в Томск». *). В 1692 году здесь проезжал Эбергард Избраннедес, следуя в Китай. По утверждению С. В. Бахрушина, описанною дорогой «через Камень.... торговые и промышленные люди пользовались беспрепятственно в течение всего XVII века». Ижемцы проходили здесь на лодках, следуя по торговым делам на Нижегородскую ярмарку.

По Вычегде, мимо Устьвыми, а затем через переволок между Южной и Северной Мылвами, проходил и другой старинный торговый путь на Печору и в Сибирь. В дневнике В. Н. Латкина**) проводится сообщение о том, что существует предание о древнем торговом пути от Каспийского моря к Северному океану; он будто бы тянулся по Волге и Каме, через город Чердынь, на реку Вычегду, и оттуда к устью Двины и даже Печоры. И этим путем товары персидских и индийских купцов шли даже в Швецию и Норвегию.

«Есть предание, — пишет В. Н. Латкин, — что где-то в этой стране было торговое место, куда, с одной стороны, приезжали датчане, шведы и норвежцы, а с другой стороны, болгары и производили размен товаров индийских, греческих и персидских на европейские и туземные. Если не на устьях Двины и Печоры находилось это торжище, то, вероятно, где-нибудь в вершинах рек Вычегды или Сысолы на переволоках, т. е. на тех пунктах, где оканчивался с обеих сторон судоходный путь. На берегу Печорской Мылвы есть широкая долина, которая и по сие время называется торговищем. Луг этот находится на половине пути от Троицкого погоста до переволока с Печорской Мылвы на Вычегодскую; он тянется по обоим берегам Печорской Мылвы боль-

*) Бахрушин — «Очерки колонизации Сибири», стр. 74.

**) Записки Русского географического общество, 1853, кн. VII, стр. 21—22.

ше версты, шириной до ста сажен; но, вероятно, теперь большая часть его заросла лесом. На этой долине находят обломки кирпичей. Откуда взялись они? Полагают, что там были строения?

Летописи рассказывают, что существовали еще пути на Печору. В сказании о походе русских на Печору в 1471 году говорится, что из Вологды они отправились вниз по Двине до реки Пинеги, затем вверх по рекам Пинеге и Кулою до реки Мезени и далее по Пезе и Цильме в реку Печору.

...Какими примитивными кажутся в наше время древние пути-дороги! Тяжелый, утомительный переезд из Устьвыми в Ухту занимал прежде до десяти дней. Разнообразны и одинаково трудны были способы передвижения. На лодках, при помощи весел, бечевы, а иногда и шестов. Пешком по дремучему лесу, перетаскивая через переволоки тяжелые лодки и груз. В холод и осеннюю непогодь, среди полчищ комаров летом коротали путники у костров таежные ночи. И чуть забывшись тяжелым сном, снова двигались, казалось, в нескончаемый путь.

Сейчас требуется всего десять-двенадцать часов, чтобы покрыть этот путь по новому автомобильному тракту. А будь тракт в полном порядке, скорость передвижения была бы значительно увеличена.

Но это лишь начало новых большевистских скоростей. Развернутыми темпами идет строительство грандиозной приполярной железнодорожной магистрали Котлас—Воркута. И уже недалеко то время, когда из Москвы на Печору, в Заполярье понесутся курьерские поезда. Окончательно разрушатся веками утверждавшиеся здесь представления о времени и пространстве. Еще более приблизится к сердцу страны, лучше согреется под яркими лучами кремлевских звезд обширный и богатейший край, представления о котором на протяжении многих столетий отождествлялись с мертвым и недоступным царством холода.

На берегу реки Выми расположилось село Серегово. Здесь на высокой и живописной береговой круче разместилась здравница трудящихся Коми АССР—Сереговский курорт. Минеральные источники курорта, отличающиеся значительной радиоактивностью, по своим лечебным свойствам не уступают источникам Сочи—Мацеста.

Ежегодно курорт пропускает до 800 человек. На отдых в Серегово приезжает также немало трудящихся из Архангельской и Вологодской областей, бывают даже москвичи,—так далеко разбежалась за короткое время добрая слава о сереговских целебных источниках.

В 1939 году курорт отметил свое десятилетие. Предположены солидные работы по дальнейшему оборудованию и увеличению пропускной способности: строительство курзала, расширение ванного здания, организация новых лечебных кабинетов.

Рядом, у подножья горы—Сереговский солеваренный завод, возникший еще во времена Ивана Грозного. Поистине жуткими фактами крепостничества и самой бесчеловечной эксплоатации трудящихся наполнены страницы дореволюционной истории завода. Писцовая книга 1678 года повествует, что в это время завод большей частью принадлежал некоему Ивану Панкратьеву. Судя по описанию, на заводе была соляная труба, при ней шесть варниц, да в том же году сооружа-

лись еще две трубы и одна варница. При заводе стояло два скотных двора, на которых жили крепостные люди заводчика. Некоторые из крепостных жили особыми дворами и среди них приказчик, управляющий заводом. Кроме того, в 27 избах жили вольнонаемные «работные люди», 185 человек, согласно писцовой книги. Невдалеке от этого заводского поселка стояли две мельницы, 10 соляных амбаров и три лавки, «а в них торгуют приезжие люди разных городов».

По соседству с Сереговским находился и другой солеваренный заводик—Астафья Филатова. Между владельцами заводов шла ожесточенная борьба за обладание лучшими сереговскими усольями. Помимо тянувшихся годами тяжб, дело доходило до форменных вооруженных набегов на владения противника.

Есть сведения, что когда-то Сереговские солеварни принадлежали Строгановым. В последствии Строгановы также не раз претендовали на соляные источники.

В годы предшествовавшие империалистической войне, в Серегове вырабатывалось до 200 тысяч пудов соли. Н. А. Шергин, описывающий условия труда сереговских солеваров в 1909 году, приводит исключительные по своей жестокости факты бешеной капиталистической эксплоатации. «Поденная плата,—пишет Шергин,—была 31—32 копейки. За распиловку кубической сажени дров отваливают 60 копеек. Двое рабочих едва-едва распиливают в день, зарабатывая не 30 коп., при дороговизне хлеба в 1 р. 50 к. Чтобы заработать двугривенный в день, заводская бросальщица должна скидать в варничное окно 4,5 кубических сажени дров, т. е. по 4,5 коп. за кубическую сажень. Царство небесное, немало бросальщиц от варничного окна ушли к праотцам, а несчастный солевар порой так ухайдакается, что поднимают к гору прямо на дровнях. Вот такие пытки сохраняются в этой глуши!»

После Великого Октября Сереговский солеваренный завод стал социалистическим предприятием. Производительно работают и культурно живут сейчас сереговские солевары. Программа завода в 1938 году составляла 3600 тонн соли, а на 1939 год—4 тыс. тонн.

За годы советской власти в Серегове создано также новое производство—промышленная добыча и переработка извести.

Княжпогост. Ожидаем своей очереди у заправочной колонки. В глухом лесу, в стороне от большого старинного села родился обширный и многолюдный поселок.

Княжпогосту суждено было не один раз войти в историю коми народа. Говорят, что в давние времена здесь было местопребывание древнего жреца Пама. Указывается даже место бани-каменки, служившей ему жилищем.

Наконец, отсюда положено начало строительству первой в Коми республике железной дороги—большой заполярной магистрали Котлас—Воркута. Это было совсем недавно, в самые последние годы. И с этого началась новая, большевистская эра в истории заброшенной в далекие северные леса деревни. Здесь впервые в республике раздался гудок паровоза, взбудораживший вековую таежную тишину. Отсюда

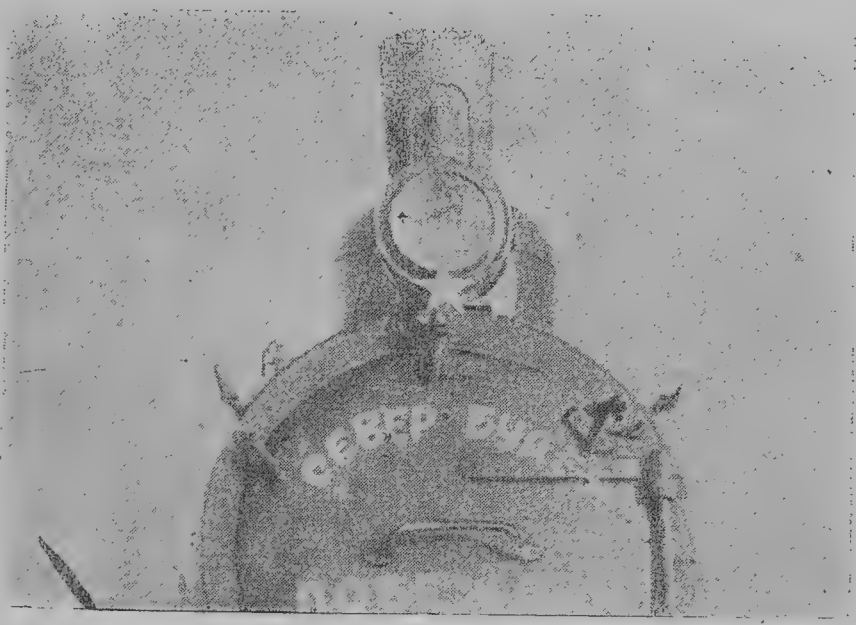

Рис. 1. По первой в Коми республике железной дороге из Княжпогоста на Чинья-Ворок направляется поезд.

пошли первые поезда. И вслед за укладываемыми рельсами они постепенно приближаются к городу нефти—Ухта. Еще несколько лет— и Княжпогост приобретет новое значение крупного промышленно-транспортного узла.

Ожил древний печорский волок. На всем протяжении пути встречались различной величины поселки—временные жилища строителей. К шоссе и железнодорожному полотну выходили десятки лесовозных дорог. В стороне с глухим треском падали срубленные деревья. Работали походные, передвижные шпалорезки. Вдоль пути виднелись груды свеже выпиленных шпал и стройных, гладких бревен. Строительству требуется огромное количество доброгного леса.

Через определенные промежутки вырисовывались, пока еще первые, зачатки будущих крупных железнодорожных станций.

Уже к августу 1938 года было проложено свыше сотни километров железнодорожного пути. На участке в 100 километров — от Княжпогоста до Ропчи—ходили поезда. Небольшие товарные паровозики с грохотом тащили за собой вереницы платформ, нагруженных лесом, балластом, рельсами.

Ликвидировав вредительство, строители упорно двигались вперед, успешно преодолевая и болота, растянувшиеся порой на много километров, и перевалы Тимана, густо изрезанного крутобережными речками и оврагами. Предстояло в самом непродолжительном времени

полностью закончить первый большой участок пути: Межог—Ухта. Сроки постройки жестки, и нужно их выдержать.

Дорога в нескольких местах или пересекала шоссе, или шла с ним бок-о-бок,—две сестры, тесно прижавшись одна к другой, властно пробуждали девственный край, подымали его к новой жизни, к хозяйственному и культурному расцвету.

Приветливо вздымались шлагбаумы. И дальше—снова то огромные песчаные насыпи, достигающие в отдельных местах до двух метров высоты, то разрезанные надвое, обнаженные перевалы. Виднелись отливающие легкой желтизной мосты с изящными деревянными фермами, отличающимися в то же время исключительной прочностью.

Об одном приходилось сожалеть. Строя отличную магистраль, люди в последнее время перестали обращать внимание на шоссе. Это в первую очередь относится к управлению Ухтинских промыслов. Между тем, от постоянного движения сотен тяжелых грузовых машин шоссе в некоторых местах, особенно между Княжпогостом и Ропчей, превратилось в избитую проселочную дорогу. Затрудняется движение, нередки случаи поломки машин. Робкие попытки ремонта еще не дают надежды на быстрое восстановление этого чрезвычайно нужного и важного тракта.

Приближалась Ухта. Вскоре ярко засверкали электрические огни. Разбрызгав последние лужи — следы недавнего проливного дождя, машина остановилась возле новенького, нарядного здания гостиницы. Мы—в городе северной нефти, первом большом промышленном центре республики Коми.

III. УХТИНСКАЯ НЕФТЬ.

«Одна из красивейших рек севера России»,—так вполне заслуженно называет Ухту (приток Ижмы) в своих трудах академик Ф. Н. Чернышев. Это река, история которой уходит в глубокую даль веков.

Район Ухты издавна известен как источник богатейших нефтяных месторождений. Это была первая, известная в пределах прежней России нефть. В книге голландца Витсена «Северная и восточная Татария», изданной в 1692 году в Амстердаме, имеется следующее указание: «Река Ухта отстоит от Печоры на одни сутки. На этой реке на полторы мили от волока есть мелкое место, где из воды выделяется жир, представляющий черную нефть; здесь-то и находят доманик, который горит наподобие свечи, издавая от себя черный цвет».

Первые попытки промышленной разработки ухтинской нефти относятся к XVII и началу XVIII вв. О существовании нефтяных месторождений на Ухте было уже известно Петру Первому. В записках М. Сидорова говорится, что по инициативе Петра московским купцом Набатовым был построен здесь первый очистительный завод. В Москву для лекарств доставлялось в бочках ежегодно около тысячи пудов добытой на заводе горной смолы. Пробы горной смолы Петр отправлял даже в Голландию.

В исследованиях горного инженера Кайзерлинга, который первым

подошел к ухтинской нефти с научной точки зрения, также упоминается о химической фабрике купца Набатова. Управляющий фабрикой Сараев посредством дистиллировки горного масла добывал чистую, прозрачную «нафу». По смерти Набатова этим делом продолжала заниматься его дочь; но, по несчастному случаю, управляющий замерз, и это положило конец промыслу.

В «Путешествии академика Ивана Лепехина по Архангельскому краю» (1772 год) приводятся данные о том, что нефть на Печоре затем сыскал «гражданин Архангельского посада Федор, Савельев сын, Прядунов». Построив для добычи нефти небольшой заводишко, Прядунов «производил сим землевым маслом торг и напоследок вздумал лечить сей нефтью всякие болезни разного чина людей в Москве. Сенат запретил печатным указом производить более в действие сию новую врачебную практику».

«Оный (завод.—А. А.) действительно был на реке Ухте, впадающей в Ижму, расстоянием от Ижемской слободки за триста примерных верст,—описывает далее академик Лепехин, — и состоял из следующего строения: над самым нефтяным ключем, посередине бьющем построен был четвероугольный сруб, вышиною в 13 рядов, из коих 6 загружены были на дно, а прочие на поверхности воды находились. Внутри сруба был узкодонный чан, который истекающую из воды нефть впускал в себя отверстием дна, от быстроты текущей воды защищал его поставленный с одной стороны водорез».

Эта вторая попытка промышленной разработки ухтинской нефти также потерпела крах. Построив завод, Федор Прядунов вскоре умер. Такая же участь быстро постигла и его сына, взявшегося за предприятие, «а затем, последовавшие, по суеверию своему сочтя заведение сие смертоносным, оставили»*).

Добычей нефти и разработкой богатейших залежей доманика, по свидетельству исследователей и летописцев, издавна занимались, главным образом для собственных нужд, и местные жители. Разработки велись самым примитивным способом. Вот что сообщает об этом в «Известиях Русского Географического общества» за 1865 г. член Архангельского губернского статистического комитета Марков: «Жители Усть-Ухта и в настоящее время добывают черный деготь посредством ящика без дна и крыши, вставляемого в реку. В целое лето собирается от 10 до 14 пуд. В продолжение зимы в ящике под льдом скапливается до 12 пуд. этого вещества, которое продается на месте по 1 р. 10—1 р. 15 коп. за пуд». Приводятся также данные о том, что крестьяне иногда пьют добытый ими черный деготь против разных недугов. Из доманика местные жители выделывали столешницы, подносы, линейки и ряд других предметов хозяйственного обихода. Есть указания и о том, что подобной обработкой доманика занимались в отдельных случаях также «мастеровые, находящегося при Сереговском, вологодского купца Рыбникова, солеваренном заводе».

В 1864 году на ухтинскую нефть обратил внимание известный

*). Барноволоков—«Труды Вольно-экономического общества», 1809 г.

предприниматель и исследователь Севера М. К. Сидоров. Он решил в широких масштабах осуществить ее промышленную разработку. История этой попытки интересна по тем исключительным препятствиям, которые он встретил со стороны различных ведомств царской России.

В том же году Сидоров произвел разведки, а затем подал требуемые законом заявки и просьбу в Архангельскую казенную палату об отводе ему заявленных площадей под разработки нефти. Целых два года понадобилось палате для того, чтобы написать отказ, на том основании, что «относительно разработки нефти никаких законоположений и правил в Горном уставе не существует, и она не может быть разрешена до утверждения нового устава». При этом палата указала Сидорову, что «так как разрешение промыслов зависит от соглашения министерства финансов с министерством государственных имуществ, то он должен туда обратиться, если не желает ожидать утверждения нового Горного устава». Кроме того палата запретила местным крестьянам добывать нефть и доманик,—было обращено внимание на то, что «все это составляет собственность казны».

Сидоров обращается в министерство государственных имуществ. Снова идет время. Только через год, в 1867 году, было получено разрешение на отвод одной из заявленных площадей.

Можно начинать работу! Из Швеции выписывается горный мастер и ряд других опытных людей. Посылается партия на Ухту. Но... оскорбленное в своем самолюбии губернское начальство не позволило партии производить работы на том основании, что «местная администрация посылает туда особую комиссию для исследования источников нефти».

Вновь обивает Сидоров пороги министерств, хлопочет, убеждает и, в конце концов, только в 1870 году, после шестилетних мытарств получает небольшой участок. 5 мая 1870 года он мог, наконец, приступить к разработке нефти на Ухте.

Были заложены две буровых скважины. Но когда одна из скважин была доведена до 24 сажен, бур сломался, извлечь его не удалось и, дело остановилось. Между тем, надеясь на успех своего предприятия, Сидоров спустил на Печору пароход, приспособленный к отоплению нефтью. Уже все было готово к первому плаванию. И вдруг приходит весть, что прииск, на котором все же частично добывалась нефть, предоставлен министерством другому лицу. Так и не пошел по Печоре пароход, отопляемый нефтью.

Вскоре Сидоров умер, — очередная попытка промышленной разработки ухтинской нефти окончилась также безрезультатно.

Однако, об ухтинских месторождениях нефти продолжали говорить и в научных и в промышленных кругах. В 1889 году снаряжается крупная Тиманская экспедиция во главе с инженером (затем—академиком) Ф. Н. Чернышевым. Экспедиция тщательно исследовала область Ухты и, произведя разведочные работы, вполне подтвердила и доказала наличие здесь нефти.

Через десять лет, в 1899 году, бакинский нефтепромышленник инженер Гансберг, после детально произведенных разведочных работ, авторитетно заявил, что ухтинские нефтяные источники не менее богаты, чем бакинские. Гансберг пытается организовать разработки. Перед этим он несколько лет провел в районе Ухты, изучая климатические условия и пути сообщения от нефтяных источников к Архангельской, Вологодской и Пермской губерниям. Работы организуются на широкую ногу. Бурение идет при электрическом освещении. Промысел снабжен паровыми машинами, телефонами, запасами буровых инструментов. Но и Гансбергу не повезло. Своих денег нет. Состояния компаньонов израсходованы. Дело доходит до того, что иногда не на что нанимать рабочих. Агитируя за привлечение новых капиталов, он ничего не добился. И день за днем промысел начинает хиреть.

Огромнейшим кладом, нередко выходящим на поверхность земли, продолжала лежать ухтинская нефть.

И сюда, к богатейшим залежам, почуяв возможность легкой наживы, потянулся, понесся целый рой титулованного и нетитулованного жулья. Графы и князья, стая разных мелких и крупных акул, уже мнивших себя всемирно-известными северными нефтяными магнатами, набросившись словно шакалы на падаль, расхватывали, раздирали на части, на мелкие кусочки драгоценную землю. Создается русское товарищество «Нефть», ряд других предприятий, порой с пустыми кассами и алчной надеждой, что вот-вот потечет в них нескончаемая струя жидкого золота. Несколько скважин бурит казенная разведывательная организация.

Район Ухты был густо усеян заявочными столбами. Шла бешеная спекуляция земельными участками. Было ли тут время думать об изысканиях и разработках! Из нескольких небольших скважин добывалось всего до полутонны нефти в сутки.

Ухтой заинтересовался Нобель, в то время один из крупнейших в мире нефтепромышленников, державший в подчинении весь российский рынок. Ознакомившись с районом, он об'явил, что Ухта не имеет промышленного значения. И вполне законно предположение, что Нобель сделал это лишь из-за опасения конкуренции. Ему поддакивали злорадствующие голоса других приспешников бакинской нефтяной монополии.

Интерес к Ухте упал. Потом подоспела империалистическая война. Царскому правительству тем более стало не до призрачной нефти, затерянной где-то «у чорта на-куличках», в дремучей глуши печорских лесов; хищники улетели на новую добычу, сулившую верные барыши. И разведки были заброшены.

Настоящая борьба за организацию и использование ухтинской нефти началась только после Великой Октябрьской социалистической революции. 9 марта 1920 года, когда страна еще только готовилась рождать на дымящихся войной и кровью развалинах свое новое, советское хозяйство, Владимир Ильич Ленин в письме к одному из членов президиума ВСНХ говорил: «Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатанные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты в

музее общества изучения Северного края и в управлении государственным имуществом» *).

Одна за другой на Печору посылаются экспедиции. Они все больше и больше пополняют данные об исключительных природных богатствах обширного края. В 1929 году верный продолжатель дела Ленина — товарищ Сталин решительно ставит вопрос о создании энергетической базы на Севере. И вскоре крупная научная экспедиция отправляется в район Ухты.

Через Вымь, по мелким лесным речкам плыли на лодках участники первой Ухтинской экспедиции. Древний великий путь из Руси в Сибирь давно не видал такого множества людей. Сквозь дремучие, вековые леса, по звериным тропам одолевали переволоки, тащили за собой, несли многочисленный тяжелый груз. Но вот преодолены все трудности. 20 августа 1929 года головной отряд экспедиции прибыл к месту назначения.

Безотрадная картина представилась взорам участников экспедиции. На том месте, где сейчас строится, растет новый социалистический город Ухта, сиротливо стояли полуразрушенная вышка и два ветхих домика. Из оборудования сохранилась лишь пара старых станков. Соседний промысел инженера Гансберга также носил давние следы запустения.

Ранняя северная осень вступала в свои права. Кругом глухо шумел лес. Растревоженные звери разбегались с привычных, насиженных мест. Здесь, властно и прочно, по-хозяйски обосновывались люди.

В широких масштабах организуются разведочные работы. Все нужно было начинать вновь, ибо прежние разведки на нефть велись большей частью беспорядочно, без научного освещения результатов бурения. В представлениях о геологическом строении нефтеносного района Ухты было много неясного и ошибочного.

На многие сотни километров растянулось бездорожье. Это не мешало экспедиции получать все новые и новые крупные партии оборудования, продовольствия. Преодолевая береговые кручи и шумные пороги обмелевшей Ижмы, люди тащили за собой тяжело нагруженные шняги.

Транспортная проблема требовала первоочередного разрешения. Поэтому одновременно с разведочными работами было приступлено к строительству большого автомобильного тракта, связывающего нефтеносный район с Устьвымью.

Шли дни и месяцы, и расступались дремучие, таежные леса. Выросли первые небольшие домики — заложен фундамент будущего центра нефтяной промышленности на северо-востоке Союза — города Ухты.

В октябре 1930 года была получена первая промышленная нефть. Это было большое, радостное событие для работников экспедиции, еще невиданное в истории Ухты: за первые несколько дней работы скважина дала около 250 пудов драгоценной жидкости. Большевистская организованность и настойчивость еще раз неопровержимо показали, что район Ухты богат нефтью.

---

*) Лен. сб., т. XXIV, стр. 85.

Расширяется фронт работ. Параллельно идут разведки и эксплоатационное бурение. Повышаются цифры добычи, создается солидный эксплоатационный промысел, организуется переработка нефти. Растущая Ухта становится базой для дальнейшей деятельности по изысканию и освоению новых, еще более мощных залеганий.

В 1932 году в районе реки Яреги открываются новые богатейшие месторождения тяжелой нефти, залегающей на очень малой глубине. Анализы показывают насыщенность ее ценными, ввозившимися до сих пор из-за границы маслами. Определяются залежи, занимающие обширную площадь. Запасы тяжелой нефти исчисляются цифрой, во много раз превосходящей количество, определенное в районе первого ухтинского промысла.

Разведки давно уже вышли за пределы района Ухты. Охватываются новые обширные территории. Открываются месторождения промышленной нефти на Печоре, в районе Малой Кожвы, Югыдское месторождение, и т. д. Идет бурение глубокой скважины на Выми, разведочные партии проникают в другие, еще более отдаленные районы. Однако, если принять во внимание весь огромнейший нефтеносный район, то можно сказать, что разведочные работы и эксплоатационная добыча нефти находятся еще только в первой стадии своего развития. Перспективы, таким образом, замечательны.

«На Ухте, где искали только одну нефть, сейчас намечается мировая база радия и мезотория... На Ухте мы можем взять сотни тысяч тонн иода, тысячи тонн брома, десятки тонн хлористых солей, соли радия и мезотория» *). Так характеризует академик Ферсман богатства Ухтинского бассейна.

По определению профессора А. А. Чернова «на Тимане, преимущественно в бассейне Ижмы с Ухтой, мы имеем замечательный комплекс полезных ископаемых, тесно связанных по происхождению или залеганию. К ним относятся: нефть, асфальтиты, горючие сланцы, горючие газы и гелий, радий и мезоторий, минеральные воды бальнеологического значения и пр.».

Залежи асфальтитов были открыты в 1930 году в верховьях реки Ижмы. Геологическая разведка подтвердила солидные запасы месторождений. Анализы показали, что по своему качеству ижемские асфальтиты являются лучшими в Союзе. Чистые, с высокой температурой плавления, они представляют большое значение в качестве прекрасного сырья для лакокрасочной промышленности, как изоляционный материал в электротехнике и пр.

Организуется разработка пока еще в небольших масштабах. В 1933 году, например, было добыто 100 тонн асфальтитов. Сейчас сооружаются рудник и фабрика для добычи и обработки сырья механизированным способом.

Запасы горючих сланцев — пропитанных нефтью горных пород — доходят до исключительных размеров. Только в районе одного из прито-

*) Торий и мезоторий — радиоактивные металлы.

ков Ухты — реки Чути они исчисляются миллиардами тонн. Пласты сланцев достигают 54 метров толщины. Разработка их ведется также в самом незначительном количестве вследствие трудности вывоза.

Радиоактивность ухтинских вод, наряду с хозяйственной важностью общегосударственного характера, сослужит хорошую службу советской медицине. «Лечение ухтинскими солями было применено в кожной клинике 1-го Московского медицинского института, — пишет профессор А. А. Чернов, — институт отмечает сильное влияние солей на рассасывание хронических воспалительных инфильтратов кожного покрова (чешуйчатый лишай, экзема, красная волчанка и др.). Таким образом, несмотря на недавнее открытие радиоактивности вод Ухты, уже теперь выясняется большое терапевтическое влияние их при различных заболеваниях. Возможность применения солей, полученных выпариванием вод, вне местонахождения источников, усиливает их значение и открывает широкие перспективы для применения нового лечебного средства не только в больницах нашего Союза, но и за границей.

Вместе с ростом промыслов обстраивался, расширялся во все стороны, набухал людьми их центр—будущий северный город Ухта, оформившаяся в конце 1938 года. Словно грибы, вырастают новые, еще отдающие свежей смолистой сосной, корпуса жилых домов. Подчиняясь воле человека отступает тайга. Вырубаются новые и новые лесные площади, и через год, посмотришь, здесь уже будут заселенные и обжитые места. Только в 1938 году, кроме различных хозяйственных их служебных зданий, поселок увеличился на 12 жилых корпусов.

Город еще только формируется. Но он уже давно занесен на географические карты и с каждым годом приобретает все большее и большее значение как научная и энергетическая база нового крупного промышленного района.

В Ухте пока еще только одна центральная улица. Недавно она залита асфальтом. Рядом же, между домами, еще бугрятся, обрастающие вереском, остатки невыкорчеванных пней. И после каждого мало-мальски порядочного дождя вокруг домов образуются трудно проходимые лужи.

Центральная улица в последние годы обсажена стройными рядами невысоких, кудрявых берез. Будущая аллея, она уже скоро спрячет за собой небольшие, покрытые штукатуркой, одноэтажные домики — первенцы будущего города, в знойные летние дни даст им столь желанную прохладу и тишину.

Вокруг просторной площади расположились средняя школа, горный техникум, универмаг и столовая. Рядом разбит обширный парк культуры и отдыха — невысокие и ровные, точно подстриженные ряды сосен. Но год за годом они тянутся вверх, навстречу особенно ласковым на Севере лучам почти не заходящего летом солнца; живительные соки веками нетронутой, девственной земли дают им все новую и новую полноту, помогают одеваться широким и красивым убором пахнущих смолью ветвей.

Парк — любимое место отдыха граждан нового города. Шумно резвится детвора, а вечерами чистые, прибранные аллеи заполняются более солидными людьми самых разнообразных возрастов, но одинаково нарядными, довольными созданными собственными руками настоящим, готовыми созидать, творить вновь и вновь. В парке — летний театр, всевозможные игры и аттракционы — есть где развлечься и отдохнуть.

Город имеет две гостиницы, звуковой кинотеатр, большой Дом культуры, поликлинику с электро и водо-лечением, детские ясли и сады, благоустроенный стадион. За последнее время уделяется серьезное внимание архитектурному оформлению зданий и правильной распланировке города. Создано образцовое пригородное сельское хозяйство. В районе далекого севера выращивается много самых разнообразных овощей; развивается пчеловодство.

А кругом — сотни нефтяных вышек. Днем и ночью выкачивается нефть. По густой сети трубопроводов беспрерывно течет жидкость к сердцу промысла — нефтеперегонному заводу. Недавно здесь сооружен новый, усовершенствованный по технике, нефтеперегонный завод с большой производственной мощностью. На месте залежей тяжелой нефти идет строительство нефтяной шахты, ибо добыча путем выкачивания, вследствие большой вязкости нефти чрезвычайно затруднительна.

Разработка нефти горным способом в Советском Союзе будет применяться впервые. Во всем мире имеется только две-три таких шахты. В непродолжительном времени новая шахта должна вступить в опытную эксплоатацию. Насыщенные ценными маслами богатейшие залежи тяжелой нефти также пойдут на службу народному хозяйству страны.

Строится новая мощная электростанция в 24 тыс. киловатт. На промыслы, в радиусе 30 километров, прокладывается высоковольтная линия.

Так превращается Ухта в крупный промышленный район общесоюзного значения. За несколько лет сделана такая работа, даже небольшая частица которой на протяжении веков была неподсилу прогнившему царизму. А будущность еще более блестяща.

Пройдет железная дорога, и широким потоком потечет ухтинская нефть к промышленным центрам страны — в порты Белого и Баренцова морей, в Архангельскую, Вологодскую, Ленинградскую и другие области, в Карелию...

Большим промышленным центром с населением в несколько десятков тысяч человек — настоящим культурным и благоустроенным социалистическим городом станет Ухта. А в окрестностях его, на ближайших промыслах, возникнут новые города, также с многотысячным населением. Развернутся промыслы на открытых и открываемых вновь богатейших нефтяных месторождениях. В более широких размерах организуются промышленные разработки прочих многочисленных природных богатств Ухтинского бассейна.

Далекая и глухая, веками забытая окраина, превращается в один из цветущих районов Союза.

АБОНЕМЕНТ
Обл. Центр. Библиотека
— Сыктывкар —

IV. ЧЕРЕЗ ИЖЕМСКИЕ ПОРОГИ.

От п. Ухта до с. Усть-Ухта — 15 километров. Решили ехать на лошадях, ибо трястись по испещренной огромными рытвинами дороге в кузове грузового автомобиля — удовольствия мало. Через два часа мы были в Усть-Ухте, на берегу Ижмы.

Отсюда нужно было спускаться на лодке или шняге. Других способов передвижения не было. Весной, в полноводье, с Печоры заходят сюда пассажирские и буксирные пароходы. По Ухте они поднимаются даже до п. Ухта. Но летом река мелеет, в отдельных местах почти совершенно обнажая каменистое дно, путь преграждают стремительные пороги, и все грузовое и пассажирское движение от Усть-Ухты до пристани Порожское, а то и далее, происходит только на лодках или шнягах.

Усть-Ухта — обычная северная деревня. Здесь — колхоз «Гэрд Ухта» («Красная Ухта»). Высокие, невиданные доселе урожаи зерновых культур. В деревне — сельсовет, кооператив, школа.

С развитием ухтинских промыслов Усть-Ухта превращается в крупную пристань. На берегу высятся груды вместительных железных бочек. Вдоль берега расположилась целая флотилия лодок разных размеров. Отсюда идут на Печору транспорты с бензином, керосином, смазочными веществами. Каждое утро вниз отправляется несколько караванов тяжело нагруженных шняг. Вечерами пристань принимает возвращающийся с низовьев порожняк.

Шняга — небольшое плоскодонное судно грузоподъемностью от 5 до 10 тонн. Движение происходит при помощи лошадиной тяги. К одному из борта шняги привязывается канат. Затем он проходит через верхушку невысокой мачты. К другому концу снасти, доходящей до 100 метров, прикрепляется запряжка двух или трех лошадей. На одну из лошадей садится погонщик, обычно подросток или женщина. Мешок с травой или сеном заменяет седло, веревка с петлями на концах служит вместо стремян. Лошади идут берегом и тянут за собой шнягу. Длинный канат позволяет кормчему вести шнягу в нужном направлении, обходить камни и мели, делать крутые повороты.

В нормальных условиях скорость, особенно вниз по течению, бывает довольно удобной для подобного способа передвижения. Значительно хуже ехать навстречу течению, преодолевая бесчисленные пороги. И если подует еще встречный ветер, люди и лошади выбиваются из сил, проходя за день каких-нибудь полтора десятка километров. Не раз такие путешествия заканчивались трагически. Об одном из подобных случаев, происшедшем не так давно, рассказали нам в пути. Работник какого-то сельпо ехал из районного центра с товарами. Карбас почти до краев был нагружен тюками мануфактуры, мешками с сахаром и крупой, ящиками с печеньем и конфетами. Груз стоил немалых денег. Больше половины пути прошли благополучно. Беда подстерегала на одном из порогов. Когда нужно было напрячь все силы, чтобы преодолеть стремительное течение, одна из лошадей завязла. И сколько она ни билась, задние ноги глубже уходили в жидкое месиво грязи. Карбас снача-

Рис. 2. Лачевские пороги на реке Ижме.

ла остановился, затем поток потянул его вниз. Все остальное произошло с молниеносной быстротой. Лошади были опрокинуты навзничь. Кубарем свернулся в воду погонщик, он сильно расшибся о камни. Оборвалась упряжь. Ничем не сдерживаемый карбас ринулся на камни. Кормщик был бессилен предотвратить катастрофу. Через несколько минут лодка закрутилась в бешеной пляске водоворота. Люди сумели добраться до берега. Товары погибли, выловить удалось лишь жалкие остатки. Лошадь также оказалась изувеченной.

— Всяко случается, — говорили потом наши гребцы. — Сегодня вот хорошо едешь, а завтра и головой о камень. Смотрим в оба...

Действительно, описанный случай не является из ряда вон выходящим. И тем более настойчиво требует своего разрешения проблема транспорта в бассейне Ижмы. Недаром коммунисты Ижемского района, обсуждая тезисы доклада товарища Молотова на XVIII С'езде партии «О третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР», так много и горячо говорили о необходимости быстрейшего проведения дноуглубительных работ и организации нормального судоходства по Ижме.

В полдень, удобно расположившись в середине вместительной лодки под натянутым поверх брезентом, мы отправились вниз по Ижме. Дружные взмахи весел—и подхваченная течением лодка быстро пошла вперед. При попутном ветре мы рассчитывали часам к девяти вечера прибыть в Порожское, лежащее в пятидесяти с лишним километрах от Усть-Ухты, пересесть там на катер и сразу двинуться дальше.

Ижма в своих верховьях—маленький ручей, в котором почти невозможно повернуться лодке. Здесь она по своей ширине была уже настоящей рекой.

На низменном левом берегу, сразу же за Усть-Ухтой, на несколько километров потянулись колхозные поля и обширные, недавно убранные пожни. Видно было, как женщины бойко сжинали и ставили в суслоны высокую спелую рожь.

Зато тих и безлюден противоположный берег. Под лесистой кручей, среди прибрежного кустарника, кое-где примостились сенокосы. Узенькой лентой вилась пешеходная тропинка. Высокий берег порой резко выпирал вперед, обнажая складывавшиеся тысячелетиями слои известняков и других горных пород. В лесной чаще передко виднелись раскидистые вершины лиственниц, обилием которых славилась когда-то Ижма.

Между тем, ветер крепчал и менял направление. Прошел какой-нибудь час, и он уже задувал навстречу. Лодку начало захлестывать волнами.

Движение все больше замедлялось. Чтобы уменьшить сопротивление ветра, сняли брезентовый навес.

Проходили часы. Гребцы выбивались из сил. У всех онемели руки. Ладони вздулись от огромных водянистых мозолей. Гребли все, сменяясь через каждые полчаса. Даже одиннадцатилетняя девушка после жаркого спора завладела веслом. Недолго продержалась она на завоеванной позиции. Не справляясь с тяжелым веслом, она не столько греб-

ла, сколько окатывала тяжелыми брызгами сидевших в лодке и скоро вернулась к «исходному положению».

С большим трудом добрались до дер. Сюзябской, носящей, судя по карте, официальное название «Устьсюзская» и более известной под старинным названием «Аким». Несмотря на усталость, решили плыть дальше. Правда, попасть к ночи в Порожское нечего было и думать: впереди еще больше половины пути. Однако, можно было добраться до ближайшего «станка» (так здесь называют избушки, где отдыхают путники после тяжелого дневного волока).

Приближалась, простирающаяся почти до самого Порожского, бурная, порожистая часть Ижмы, и поэтому была надежда проделать остальной путь несколько быстрее.

Пороги не заставили себя ждать. Первый из них, спускающийся тремя уступами, носил название «Три головы». Лодка ловко лавировала между камнями.

Через небольшие промежутки один за другим чередовались пороги. Уже остались позади «Грива» и «Разливной». Несколько далее промелькнул еще один, со странным названием «Бычье горло». Вот показался «Бобренок»... Переваливая через горный хребет, река ступенька за ступенькой спускалась вниз.

Только к вечеру перестал бесноваться ветер. И когда в наступающей темноте показался так давно желанный «станок», мы могли уже только еле-еле шевелить веслами и двигались лишь с помощью течения. Десять часов беспрерывной напряженной работы давали себя знать.

«Станок» представлял собой четыре наспех собранных, покосившихся строения. Маленькая конторка, в которой едва помещались две скрипучие деревянные койки, колченогий стол да железная, обложенная кирпичами печка у двери; рядом — барак с нарами и черная банька, ближе к реке — копюшня, — вот и все немудрое хозяйство такого пристанища, — остатка прежней древней Печоры. Сверху и снизу прибывают сюда вечерами караваны шняг. Люди раскладывают костры, жарят себе ужин и затем вповалку укладываются на нарах. А наутро снова долгий, утомительный путь.

Выехали почти вслед за восходом солнца. Лодка легко резала зеркальную гладь реки. От вчерашней бури не осталось и следа.

Предстояло одолеть главный по Ижме порог «Сердце». Еще издали мы услышали глухой шум. Потом стало видно, как среди низменных берегов вздымалась пеной кипевшая река.

Все обошлось благополучно. Лишь два-три раза легко тронула лодка каменистое дно, чуть присела бочком на камень и через несколько минут снова плыла среди спокойного течения.

В село Порожское пришли еще задолго до полудня. Катер только недавно ушел. Нужно было ожидать следующей «оказии».

Ниже Порожского, вплоть до самого устья Ижмы, движение по реке за последние годы значительно улучшилось. Большую часть грузов тя-

нут колесные катера. По своему устройству это обычные речные буксирные пароходики в миниатюре: такое же широкое и плоское дно, колеса по бокам, высокая труба, небольшие каютки для команды. Эти катерки буксируют большие караваны тяжело нагруженных барж и хорошо преодолевают усеянные крупным гравием перекаты обмелевшей реки.

На другой день мы причалили к пристани села Ижмы, проделав за сутки на почтовом катере двести километров. Скорость для здешних мест исключительная; о ней еще не так давно можно было только мечтать.

Ижма — старинное печорское поселение. Основание ее, судя по летописям, относится к 1567 году. На протяжении столетий Ижма являлась подлинным центром Печорского края. Здесь проходил великий торговый путь в Сибирь. Отсюда тянулись на Север, в Большеземельскую тундру, вплоть до студеных вод Баренцова и Карского морей, цепкие щупальцы ижемских и мохчинских кулаков-мироедов. Вплоть до революции они, поощряемые законом, хищничали в тундре, беззастенчиво грабили население обширного края. Торговля, лучшие стада коров, богатейшие табуны оленей, обширные луга, — все, чем жил до революции край, было в их руках. Неведомыми, темными путями, за предшествовавшие революции пять десятков лет ижемские кулаки прибрали к своим рукам две трети ненецких оленьих стад Большеземельской тундры. Лучшая рыба, самая жирная дичь, оленье мясо, пыжики, неблюй, продукты животноводства—вся богатая дань шла к ним со всех концов края. И от того еще пуще ширились лавки, набухали об'емистые амбары, округлялись капиталы, на жиревших животах все жире распускались кулацкие пояса. И от того еще больше нищал и закабалялся угнетавшийся со всех сторон трудовой люд.

Владельцы большинства печорских оленьих стад, ижемские кулаки в широких размерах производили переработку оленьих шкур. Перед империалистической войной в Ижме и Мохче насчитывалось, например, 25 замшевых заводов, некоторые с довольно большим количеством рабочих. Замшевое производство носило ярко выраженный капиталистический характер. Вот как описывала условия труда на этих заводах архангельская газета «Северное утро», далеко не отличавшаяся сочувствием к рабочим.

«Полагая рабочий месяц 25 дней, — пишет газета 13 октября 1911 года (№ 93), — каждый день по 16 часов, опытный рабочий может выделать 50—60 штук замши, а в 4 зимних месяца 260—280 штук, что составит, считая по 30 коп. за штуку, заработок в 94—100 рублей за всю зиму. Из этой суммы надо исключить стоимость материалов, необходимых при обработке шкур — 32 р. 50 коп. Таким образом, рабочий получает за свой труд в течение 4-х месяцев 68 рублей или 17 рублей в месяц, 68 коп. в день, или 4 коп. в час».

Описывая санитарно-гигиенические условия труда в замшевом производстве, газета бесстрастно повествует: «В мочильне от шкур стоит невыносимо тяжелый, спертый воздух, которым рабочим приходится дышать ежедневно по 16 часов. Известковая пыль попадает в глаза, в

рот, садится на легкие, служа причиною серьезных грудных и горловых болезней. При высокой температуре в сушильне работа невозможна, и рабочие находятся там чуть ли не в костюме Адама... Выпося из сушильни шкуры на двор к воротам для обливки их, рабочие обычно не одеваются: займет слишком много времени, и этот резкий переход от жары в 40 градусов на мороз, достигающий зимою нередко до 30 градусов, влечет за собой всякого рода простудные заболевания. Благодаря всем этим условиям, кустарь в 40 лет выглядит изможденным стариком».

Так было в крупных населенных пунктах. А что происходило в глуши печорских лесов, в далекой тундре, где самые короткие расстояния измеряются сотнями километров! Сколько было там обманутых, споенных царской «монополькой», дочиста ограбленных людей! Сколько темных, кровавых дел накопилось там за века?!

Какими мрачными кажутся страницы истории. Но тем еще ярче и радостнее настоящее, светлое будущее, тем еще ценнее величайшие завоевания Октября, положившего начало новой эпохе, открывшего новую эру в истории человечества.

Сейчас Ижма—административный и культурный центр обширного района. Село еще больше разрослось: выстроены солидные здания различных учреждений и организаций. И теперь уже не кажутся такими громадинами двух и трехэтажные хоромы бывших ижемских богатеев.

Ижма стала центром подготовки, кузницей новых большевистских культурных кадров для всего Печорского края. Здесь две крупные школы: полная средняя — за рекой, в Мохче, и неполная средняя— в самой Ижме. Педагогическое училище в Мохче готовит учителей для начальных школ печорских районов. В Ижме находятся также зооветеринарный техникум и научно-исследовательская станция по оленеводству. В результате улучшается ветеринарное обслуживание растущих колхозных и совхозных оленьих стад. Работы научно-исследовательской станции имеют большое значение в деле снижения заболеваемости оленей, особенно во время так называемых летовок, а также при выборе пастбищ и т. д.

Ижемская электростанция, помимо районного центра, снабжает электроэнергией несколько окрестных колхозов. Развивается местная районная промышленность. Строится промкомбинат с несколькими деревообрабатывающими цехами.

Районный центр имеет звуковое кино, клуб, неплохую библиотеку. Управление по делам искусств при Совнаркоме Коми АССР создало здесь второй в республике Коми передвижной колхозный и совхозный театр. Он обслуживает все районы Печорского округа. В районе своя типография и собственная районная газета, насчитывающая многочисленный коллектив читателей и десятки активистов-селькоров.

Полнокровной жизнью живет советская Ижма—один из культурных центров Печорского края.

V. ВОТ ОНА, ПЕЧОРА!

Печора — одна из величайших рек Европейской части Союза. Берущая свои истоки в западных каменистых отрогах Северного Урала,

Печора, в начале узкая и бурливая—настоящая горная река. Через бесчисленные отмели и перекаты прокладывает она себе путь, чтобы затем, на протяжении двух с лишним тысяч километров, спокойно и величаво нести свои воды далеко за Полярный круг, в холодное Баренцово море. Необозримые, мало заселенные лесные пространства пересекает великая северная река. Крупные притоки — Щугор, Уса, Илыч, Кожва и Ижма, наконец — Цильма, каждый с бесчисленной сетью мелких притоков, насыщают Печору почти на всем ее протяжении, делают ее все полнее, многоводнее. До восьмидесяти больших и малых притоков впадают в Печору.

«Печора представляет могучую, обильную водой и весьма широкую реку, в сравнении с которой стушевываются даже такие крупные артерии восточной России как рр. Волга и Кама. Около Ижмы и Усть-Цильмы Печора, даже в межень, достигает ширины не менее полутора верст, а во время весеннего разлива, при обычных весьма высоких под'емах воды, ширина реки достигает громадных размеров, выражающихся зачастую десятками верст». Такую вполне заслуженную оценку дает ей в своих трудах академик Ф. Н. Чернышев.

На протяжении веков Печора делила судьбу своего края и была забытой, безмолвной рекой. И только предприимчивые «торговые люди», да немногие исследователи, занимаясь поисками рынков сбыта и открытиями новых богатств и путей, имели некоторые, порой еще далеко неясные представления об этой великой водной магистрали.

На старинных китайских картах были показаны проходы из Печоры на Обь, по которым в древности шли с Северного моря товары в Китай. Древние новгородцы еще в 1030 году ходили через Печору на Югру. Есть указания, что в 1093 году местные печорские жители также проложили дорогу с Урала на Обь. По преданиям известно, что в старину по Усе и Печоре доставлялись в Великий Новгород произведения Зауралья. В своем дневнике В. Н. Латкин высказывает предположение, что тогда, может быть, размен делался на значительные суммы; может быть, здесь был огромный базар, куда стекались тысячи кочующих уральцев, потому, что это был едва ли не единственный путь из Сибири.

По утверждению В. Н. Латкина, кроме судоходного пути по Усе и Соби, были еще за Урал пути по Щугору и Ильдзе, которые со временем заменились морским путем. Морское сообщение поддерживалось на небольших судах, называвшихся «кочами» *). «На них отправлялись из самого Архангельска, мимо острова Колгуева, через Вайгачский пролив и Карское море, из которого входили в устье реки Мутной. Бассейн вод этой реки прорезывает мыс Елмал. Пройдя пять дней по реке Мутной и через два озера, каждое в окружности от 10 до 12 верст, доходили до волока, где через перешеек около двух верст перетаскивали кочи в озеро Зеленое, из которого истекает река Зеле-

*) Широкие, плоскодонные бескилевые суда в длину 20—25 метров. При попутном ветре ставили паруса, но в остальных случаях кочи передвигались при помощи весел.

Рис. 3. Берег реки Щугор — притока Печоры.

ная, и по ней спускались в Обскую губу. Сколько известно, на этом пути имели дела жители города Архангельска, производили торг англичане и голландцы, которым, однакож, в 1620 году плавание по Северному океану было воспрещено, будто бы под тем предлогом, что, покупая пушные товары от кочующих инородцев, они затрудняли сбор «ясака».

История сохранила любопытный документ, подробно рассказывающий о морском пути из Европы в устье Оби и, особенно, о замыслах русских по освоению его. Это — письмо голландского купца Иоганна Балака знаменитому географу Герарду Меркатору от 20 февраля 1581 года, в котором вниманию географа рекомендуется знаток этого пути некий Оливер Брюнель. Последний во время пребывания в России был взят в Ярославле на службу богатыми купцами Яковом и Григорием Аникиевыми. Сопровождая этих купцов, бывших доверенными знаменитого Строганова, Брюнель об'ездил северные области Московского государства и несколько раз бывал на реке Оби. От местных жителей он слыхал, что иногда к ним приходят из Китая большие суда с разными грузами.

И вот что писал о Брюнеле в упомянутом выше письме купец Иоганн Балак: «Рекомендую тебе подателя сего письма, который может быть тебе полезен в таком деле, о коем ты давно с великим

трудом старался собирать известия. Я говорю об открытии мыса Табина и славного и богатого царства Китайского... Человек сей родом из Фландрии, званием солдат, был несколько лет пленным в России и состоял на службе некоторых знатных особ Якова и Аникия, которые посылали его в Антверпен для нанятия там за хорошую цену нескольких искусных и опытных мореходцев, и когда он им таковых доставил, построили они для преднамеренного путешествия по реке Двине два корабля с помощью некоторого искусного немецкого художника. Податель сего говорит весьма свободно и открыто, что путешествие в Китай через Восток сколь кратко, столько же и удобно; что он сначала ездил берегом к реке Оби... и водою вдоль реки Печоры; что для сего покушения снарядил он в губе св. Николая судно, сидевшее неглубоко в воде и, снабдив оное для такого пути потребным и людьми... знавшими как местный язык, так и положение реки Оби, отправился на нем в конце мая к востоку вдоль земли Югорской, Печорской и острова Олгоя; что, миновав остров Вайгач, лежащий между Югорией и Новой Землей, достиг он и залива, впадающего к югу, в который впадают реки Мармезия и Кара, населенные иным родом...; что река Обь, по сказанию, имеет 70 устий, между коими многие большие острова населены разными народами; что оттуда в Китай можно достигнуть в одно лето, если только не препятствуют льды, носящиеся перед устьем реки, иногда в большем, иногда в меньшем количестве».

Великий преобразователь России Петр Первый соображал о канале между Печорой и Обью. И почем знать,—если бы не преждевременная и неожиданная смерть, Петр, с присущей ему решительностью и настойчивостью, осуществил бы и этот смелый проект.

С тех пор было немало различных суждений о возможности соединения Оби с Печорой, чтобы открыть сибирской торговле путь на север Европейской части России. Сенатор Корнилов в 1806 году и генерал Аносов в 1850 году предлагали соединить каналом приток Печоры—реку Усу с рекой Собь, притоком Оби. Об этом же пути мечтал купец Латкин. Его агенты проникли в 1859 году из Пустозерска, в низовьях Печоры, до Обдорска, исследовав трассу предполагаемого соединения.

Известный предприниматель М. Сидоров в свое время представил в Тобольскую городскую думу проект о развитии промышленности севера Сибири через Печорский порт. После продолжительных и тщательных исследований Сидоров также пришел к выводу о полной возможности соединения Печоры с Обью. Он остановил свой выбор на следующем варианте: от селения Аранец, на реке Печоре, через волок в 150 верст до древнего вогульского города Ляпина на реке Сыгве, впадающий в р. Сосву, которая, в свою очередь, впадает в р. Обь. На 150-верстном волоке Сидоров предполагал устроить сначала шоссейную, а потом даже конно-железную дорогу.

Вверх по Печоре и дальше, за Урал, поднимался известный исследователь Севера архангельский купец Сибиряков, чье имя носит сейчас краснознаменный ледокол, заслуженный ветеран советского арктического ледокольного флота.

Были также поиски и попытки создания других путей с целью вывести сибирскую и камскую торговлю к Беломорскому порту. В 1785 году по инициативе чердынских купцов было начато строительство так называемого Северо-Екатерининского канала, назначенного для соединения бассейна реки Камы с бассейном Северной Двины. Однако, особого рвения строители к этому сооружению, как видно, не проявляли. Уже через три года работы были прекращены и вновь начаты только в 1802 году. В 1809 году они были снова приостановлены на целых семь лет. Канал в основном был готов только в 1822 году. Длина его была 16 верст. Река Южная Кельта, впадающая в Каму, была соединена с Северной Кельтой, впадающей в Вычегду.

Канал обещал быть в будущем крупнейшим торгово-промышленным предприятием, соединявшим Каспийское море через Каму с Белым морем, и открывавшим путь для южных губерний на Крайний Север.

Мечты поволжских купцов не осуществились. Торговля с берегов Камы пошла по новому пути — по Волге и судоходной системе к Петербургу. И так долго строившийся канал сразу же стал хиреть и пришел затем в полнейший упадок.

Наконец, в 1887 году чердынскими купцами проектировался железнодорожный путь, который соединял бы бассейны Камы и Печоры. Он должен был, по их мнению, итти от так называемой Сусловой пристани до Якшинской пристани на Печоре и иметь протяжение 30 верст. Ничего, конечно, не вышло и из этой затеи.

Царизм умышленно обрекал окраины на запустение, а народы, населяющие их, на голод, нищету и вымирание. И поэтому всякие попытки промышленного развития так яростно встречались в штыки всей чиновной царской сворой, а также русской и иностранной буржуазией, и тем заранее обрекались на провал.

Тупость и безразличие царской администрации долгое время тормозили и развитие морского сообщения с Печорой. Устье Печоры считалось непригодным для захода морских кораблей. Даже такой видный мореплаватель, как адмирал Литке, исследовавший в двадцатых годах прошлого столетия Северное море и устье Печоры, пришел к заключению о невозможности вывозить через устье Печоры морем к Архангельску даже такой товар, как корабельный лес. Это мнение Литке через некоторое время подтвердил и адмирал Крузенштерн. Он также утверждал, что «путь для торговли через устье Печоры, за льдами в оном непроходим».

И когда в 1840 году купец В. Латкин обратился в министерство с просьбой о дозволении ему открыть путь с моря в Печору и при этом отпускать ему беспошлинно югорский лес в возмездие за его труды и издержки, в просьбе ему было отказано, как в «несбыточных мечтах».

Вопрос о морском сообщении через устье Печоры был практически разрешен только в 1860 году тем же Латкиным. На Печору пришел первый, снаряженный по его инициативе, морской корабль. И в последующие годы сюда стали свободно проходить французские, английские, американские, голландские корабли. Только за одну навигацию

1866 года вновь открытый Печорский порт посетили 13 различных судов.

Есть, однако, и значительно ранние данные о морском судоходстве через устье Печоры и вольном или невольном посещении печорских берегов иностранными кораблями.

Английский капитан Борро, начальник экспедиции, снаряженной в 1556 году Московской торговой компанией для поисков устья Оби с целью дальнейшего плавания в Китай, сообщает о встрече в Кольской губе с русскими мореходами, собиравшимися итти к реке Печоре на ловлю моржей и лосося. Из описания путешествия Борро видно, что в те времена в наших северных водах судоходство поддерживалось довольно оживленно и что русские промышленники не хуже англичан умели справляться с ветрами и морскими течениями. На небольших суденышках смелые мореплаватели бесстрашно пускались в далекие плавания вплоть до берегов Новой Земли и устья Оби. И, вероятно, наиболее частыми были плавания на Новую Землю от берегов Печоры, откуда было легче и ближе подойти к новоземельскому побережью.

В восьмидесятых годах шестнадцатого столетия в Печорском заливе побывала английская экспедиция Артура Петта, искавшая морской путь в Азию. В 1584 году у устья Печоры потерпело крушение судно уже небезызвестного Оливера Брюнеля, нагруженное пушниной, слюдой и горным хрусталем.

Два корабля под общим командованием Корнелиса Корнелиссона Ная, входившие в состав большой экспедиции, снаряженной голландскими купцами в 1593—1594 гг., пробираясь сквозь льды, благополучно достигли острова, расположенного немного западнее входа в реку Печору, и 2 июля встали за ним на якорь. Вскоре, получив сведения, что до Печоры уже недалеко и что там имеются отличные гавани, голландские корабли 28 июля вошли в Печору, где отстаивались от сильной бури. На своем пути голландцы увидели в море четыре русские ладьи, также направлявшиеся в Печору.

Есть все основания утверждать, что наши русские мореходы и жители Крайнего Севера около Печоры уже в стародавние времена занимались промыслом в приполярных областях и бесстрашно заходили далеко в открытое море. В «Истории экспедиций в полярные страны» М. А. Дьяконов сообщает, что некий Вильям Гурдон, именовавшийся «главным уполномоченным лоцманом для открытия реки Оби», прибыв в начале семнадцатого столетия с грузом товаров в Пустозерск, увидел в устье Печоры 24 русских ладьи. На каждой из них было по 10—16 человек команды. Ладьи собирались плыть в Мангазею, на восток от Оби.

В 1653 году три корабля, снаряженные датским королем Фредериком третьим,—если верить описанию этого путешествия, составленному французским врачом де-ла-Мартиньером и полному обычных для того времени извращений и преувеличений,—прошли до устья Печоры.

Наконец, в 1862 году, по инициативе известного М. К. Сидорова, бывшего также поборником Северного морского пути, была сделана еще одна попытка связать морским путем Печору с Сибирью. На средства Сидорова были снаряжены и отправлены к Югорскому шару, под командой лейтенанта П. П. Крузенштерна, два судна: шхуна «Ермак» и яхта «Эмбрио». Крузенштерн, проходивший за два года перед тем через Карские ворота в Карское море, проник с запада в Югорский шар, но встретил там тяжелые льды. «Эмбрио» удалось вернуться в устье Печоры. Затертый льдами «Ермак» стал дрейфовать в восточном направлении. Вскоре судно очутилось у берегов Ямала. Затем дрейф изменился на северный, и Крузенштерн вынужден был оставить судно и добираться с командой до берега.

Таким образом, вопреки заумным утверждениям царской клики о невозможности морского сообщения с Печорой, устье Печоры еще с отдаленных времен периодически посещалось иностранными кораблями, а древне-русские мореходы свободно плавали здесь целыми эскадрами небольших в то время судов.

Судоходство на Печоре, а также связь края с «внешним миром» посредством морского сообщения получили наибольшее развитие только при советской власти и особенно за годы сталинских пятилеток.

Недалеко от устья Печоры создан морской порт, принимающий океанские пароходы. С каждым годом улучшаются условия прохождения судов через устье Печоры. На очереди — большие дноуглубительные работы. В дикой глухой тундре вырос новый социалистический город Нарьян Мар.

На Печоре появились комфортабельные товаро-пассажирские пароходы, выстроенные на советских заводах. Резко увеличился состав и грузопод'емность буксирного и непарового флота. Вот несколько цифр, ярко характеризующих этот рост. По данным Управления народнохозяйственного учета Коми АССР грузооборот по Печорскому пароходству до войны определялся в 10—12 тыс. тонн сухогрузов и до 40 тыс. тонн в плотах. А в 1938 году общий грузооборот выразился в 540 тысяч тонн. Увеличение больше чем в 10 раз. Паровой флот по р. Печоре в 1938 году увеличился до 14540 индикаторных сил, против 986 индикаторных сил в 1928 году. Увеличение в 14,7 раза. Грузопод'емность непарового флота с 5,8 тыс. тонн в 1928 году выросла до 112 тысяч тонн в 1938 году. Увеличение за 10 лет в 19,3 раза.

Советский народ, под руководством своей большевистской партии, превратил Печору в большую советскую водную магистраль, способствующую экономическому и культурному расцвету необ'ятного края.

Почти на всем протяжении Печоры созданы крупные затоны, судоремонтные заводы и мастерские. Организованный в Щельяюре водный техникум готовит квалифицированные кадры судоводителей и судовых механиков.

Неизмеримо улучшилось, особенно за последнее пятилетие, куль-

турно-бытовое обслуживание печорских водников. На пристанях и в затонах выстроено много больших, благоустроенных жилых домов. Просторные клубы, звуковые кинотеатры, библиотеки,—все это уже прочно вошло в обиход, стало естественной потребностью.

Исключительную заботу проявляют партия и правительство о здоровье водников и их семей.

Яркие факты. Еще не так давно на весь Печорский бассейн была всего одна—единственная больница с 12 койками, в Щельяюре. Здесь же, в ветхом и неуютном помещении, ютилась маленькая амбулатория. Другая такая же амбулатория находилась в Нарьян-Маре. И это—все. Прошло всего несколько лет и мы видим совершенно иную картину. Печорский водздравотдел имеет сейчас широкую сеть лечебно-профилактических учреждений, расположенную по всей судоходной части Печоры. В Нарьян-Маре выстроено новое прекрасное здание больницы водников. В ней оборудовано до 60 коек. Водники нового заполярного города имеют собственную хорошо оборудованную поликлинику. С 1935 года функционируют детские ясли на 45 коек. Больница на 75 коек и новая поликлиника выросли в Щельяюре. Всего по бассейну к концу 1938 года было уже 200 больничных коек и 200 ясельных. Открыт ряд медицинских пунктов в затонах и на пристанях. В Щельяюре работает школа медицинских сестер.

Есть собственный, пока еще небольшой, курорт. Это—санаторий в Диюре, один из самых северных в Советском Союзе. Санаторий работает круглый год, превращаясь на два летних месяца в дом отдыха школьников. Прошлым летом в нем отдыхало 140 ребят — детей водников. Предположено расширить санаторий до 100 коек, устроить водолечебницу и организовать физиотерапевтическое лечение. И тогда санаторий станет подлинной здравницей, кузницей здоровья печорских водников. Проектируется применение местного торфа для лечения ревматизма,—если опыты увенчаются успехом, впереди новые богатейшие перспективы.

Большая работа по охране народного здоровья дает замечательные результаты. Приведем лишь один факт, характеризующий огромные успехи. Еще не так давно цынга являлась бичом трудящихся Крайнего Севера. Даже в 1934 году было зарегистрировано 500 случаев заболевания цынгой работников водного транспорта Печоры и членов их семей. А в 1937 году было уже только 22 таких случая. Показательный факт!

VI. УСТЬ-ЦИЛЬМА.

Усть-Цильма — одно из самых старинных новгородских поселений в Печорском крае. Возникновение Устьцилемской слободки относится к 1542 году. Местные летописи говорят, что в 1542 году при устье реки Цильмы поселились двое новгородцев: Ивашка Дмитриев Ластка с товарищем Власко. Вскоре к ним присоединились другие пришельцы из разных мест. Новые поселенцы постепенно обстраивались, завели небольшое хлебопашество, начали промышлять рыбу и дичь.

Ивашка Ластка считал себя полным хозяином нового поселения. За-

одно он решил прибрать к своим рукам и окрестные земли и воды. Снарядившись в путь, он отправился в Москву «бить челом» великому князю. Ивашка просил позволить ему поселиться в этих местах и пользоваться их угодьями, об'ясняя, что пашен, покосов и рыбных ловель ничьих здесь нет. В своей челобитной князю Ивашка писал:

«...На Устьцильме реке по обе стороны до Усы реки, да по Ижме реке, по обе стороны до великой Пожни, да по Печоре реке пески рыбные ловища и меж теми реками речки малые и озерки; по тем местам лес, дичь, мхи, болота, соколы и кречатьи садбища, а пашен де ни покосов и рыбных ловищ на тех местах и исстари нет ничьих никаких и от пашенных людей от Двинских и от Пинежских те речки и сокольи садбища отошли далече, верст пятьсот и больше».

Чтобы больше досталось, Ивашка, конечно, приврал. Имеются, например, сведения о том, что в XV веке в крае уже возникали отдельные небольшие поселения.

Ивашке разрешено было «купить слободу» и со всех угодий давать оброка в год... по кречету, или по соколу, или деньгами по рублю. Ему было предоставлено также право суда и расправы над всеми слобожанами, кроме «душегубства и татьбы с поличным». Недорого же расценивал московский князь богатейший край, отдавая его только за один рубль в руки пронырливого и жадного новгородца!

Разрастаясь со временем, новое поселение приобретало себе влияние в качестве одного из немногих тогда центров экономической жизни края. В своей книге «Печорский край» С. В. Мартынов приводит, например, данные о том, что «спустя 230 лет после основания Усть-цильмы на всех землях и угодьях, предоставленных Ивашке Ластке, было около 800 душ мужского пола и столько же женского». В дневнике В. Н. Латкина упоминается, что в сороковых годах прошлого столетия Усть-Цильма имела уже 240 домов, растянувшихся на пространстве по крайней мере четырех верст. По низовью реки к селению примыкает еще несколько небольших деревень.

Развивалась довольно значительная по тому времени торговля. Есть даже сведения о том, что еще несколько веков тому назад Усть-Цильма нередко посещалась иностранцами, в особенности англичанами, которые чрезвычайно быстро пронюхали о местах, откуда можно было урвать жирный кусок. В 1614 году в Усть-Цильму таким образом проник англичанин Мармедюк Вильсон и, прожив там целую зиму, вывез множество пушнины. А в некоторых пунктах края англичане обосновывались настолько прочно, что создавали там свои конторы и постоянную агентуру. Из Пустозерска, например, они даже снаряжали солидные морские экспедиции из местных жителей, отправлявшиеся добывать меха даже на Обь.

Каждое лето сюда наезжали с хлебом и другими товарами чердынские купцы. Они прибирали к своим рукам всю торговлю, различные промыслы, закабаляли население, превращая большинство местных жителей в своих неоплатных должников. Бесконтрольно хозяйничая, хищники богатели, наживали огромные капиталы. И все больше нищал трудовой народ, попавший под своего рода крепостное ярмо.

Наконец, в течение значительного периода Усть-Цильма была административным центром Печорского края — бывшего Печорского уезда, Архангельской губернии.

Советская Усть-Цильма—центр богатейшего колхозного района, входящего в состав Печорского округа автономной республики Коми. В районе свыше 50 колхозов. На 1-е января 1938 года они об'единяли 2330 хозяйств — свыше 80 процентов всех крестьянских хозяйств района. За последний год процент коллективизации еще больше увеличился.

Поймы Печоры и ее притоков изобилуют прекрасными заливными лугами и представляют замечательную базу для молочного животноводства. Непрерывно развиваясь, животноводство занимает основное место в колхозном хозяйстве Печоры, а в том числе и Устьцилемского района. Если к началу 1932 года район имел, например, 9640 голов крупного рогатого скота, то на 1-е января 1938 года было уже 11420 голов, а к 1-му января 1939 года стадо крупного рогатого скота только у колхозов и колхозников увеличилось до 12180 голов. Рост продолжается.

Печора еще издавна славилась своим промышленным маслоделием. Печорское масло, отличающееся высоким качеством, всегда находит себе широкий спрос, в том числе и на заграничных рынках. В довоенное время вывоз сливочного и топленого масла достигал из Печорского края 1630 центнеров.

Особенное развитие приобрело маслоделие за годы советской власти. Так, в 1932 году на 57 печорских маслозаводах было выработано 3082,5 центнеров масла, в том числе 1447 центнеров дали маслозаводы Усть-Цилемского района. А за 1938 год на устьцилемских маслозаводах выработано уже 1778 центнеров масла и 137 центнеров сыра. Всего же по Печорскому округу выработано в 1938 году 3680 центнеров масла.

В нескольких километрах от Усть-Цильмы расположился крупный, оснащенный прекрасной техникой, замшевый завод — детище сталинских пятилеток. Производственная мощность завода позволяет ежегодно перерабатывать 120—150 тысяч оленьих шкур. Печорская замша высоко ценится и представляет прекрасный материал для экспорта.

За последнее время завод значительно расширяет ассортимент выпускаемой продукции. Освоена выделка лайки из овчин, а также в опытном порядке — замши-иммитации из овчин. Организуется выработка хрома из мелкого кожевенного сырья и краснодубного товара. По решению Совнаркома Коми АССР создается мастерская для переработки отходов замшевого производства. Промкооперация расширяет выработку изделий ширпотреба из замши.

Вокруг завода расположился рабочий поселок со своими культурно-бытовыми учреждениями. Завод воспитал немало стахановцев социалистического производства.

Рядом с Устьцильмой находится и другое крупное промышленное предприятие района — Устьцилемский кирпичный завод, снабжающий кирпичом почти всю Печору. План 1938 года кирпичники значительно перевыполнили еще к 1-му ноября, выработав 1.333 тысячи штук обожженного кирпича и 1.410 тысяч штук сырца.

Печора с ее притоками богата рыбой — семгой, нельмой, омулем, сигом, харюзом и др. В печорских лесах множество пушного зверя и птицы. Несколько лет тому назад в водоемах Усть-Цилемского района появился новый житель — ондатра (мускусная крыса), гладкий, блестящий и водонепроницаемый мех которой представляет большую ценность. Ондатра успешно акклиматизировалась и быстро размножается. Уже начат ее промышленный отлов.

Рыболовство и охота также составляют одну из основных статей дохода колхозников. В районе насчитывается до 300 рыбаков, занятых у разных организаций. Сотни колхозников ловят рыбу для личного потребления.

До десятка колхозных бригад ежегодно уезжают на рыбную путину в Болванскую губу. Сезонный заработок каждого рыбака составляет 3,5—4 тысячи рублей, а при особенно удачной путине и того более. Доход колхоза «Среднее Бугаево» в 1937 году составил только от одной рыбной путины 200 тысяч рублей. Денежная стоимость колхозного трудодня, помимо натуральных выдач, выражалась в 3 руб. 30 коп.

В просторном, выстроенном в центре села клубе, каждый вечер людно и оживленно. Здесь работают различные кружки. Молодежь с увлечением участвует в спектаклях и вечерах самодеятельности. Звуковые кинокартины всегда идут при переполненном зале. А поздними летними вечерами, расходясь из клуба, усть-цилемские девушки, еще нередко разодетые в старинные русские платья, распевают протяжные и красивые старинные песни. Порой разносятся бодрые частушки, славящие родину, великого и родного Сталина, чудесную замечательную жизнь советского народа.

Усть-цильма, да и вся Печора — неисчерпаемый источник народного эпоса. Известный исследователь фольклора Ончуков собрал здесь немало прекрасных былин. Много песен и сказок записано на Печоре другими собирателями устного народного творчества. И все же сделано мало. Фольклор Печоры ожидает своего настоящего исследователя.

На пароходе многолюдно. Едет много завербованных рабочих с семьями. Они хотят обосноваться на Печоре всерьез и надолго. Несколько инженеров-нефтяников; работники различных экспедиций; командированные из окружных и районных учреждений; к началу учебного года возвращается из отпуска большая группа учителей. Все чувствуют себя одной дружной советской семьей. Геолог беседует с бородачом-колхозником, оказавшимся большим знатоком края. Оживленно в красном уголке. Нарасхват разбираются книги и свежие газеты. Стучат биллиардные шары. Шахматисты в глубокой задумчивости строят новые хитроумные комбинации. Учитель делится с журналистом свежими впечатлениями из своей недавней поездки по Волге и мечтает о том, как он в будущее лето соберет группу ребят и вместе с ними снова отправится любоваться прославленной русской рекой. Он рассказывает о замечательных своих школьниках, восхищается новой семилетней школой, выстроенной недавно в их селении Петрунь, по Усе-реке. Ока-

Рис. 4. Ез[illegible] темгу на реке Печоре.

зывается, что большое теперь село было «открыто» и приобщено к «внешнему миру» только в 1897 году.

Летописи подтвердили затем рассказ учителя. Действительно, во время переписи 1897 года дьякон Ардальон Качан в среднем течении Усы неожиданно для себя наткнулся на целую деревню Болбан, не значившуюся ни в каких списках, и о существовании которой никому не было известно. Здесь оказалось 16 дворов с населением в 52 души мужского пола и 39—женского. Название свое поселок получил от того, что здесь прежде было самоедское капище с большим идолом или Болбаном, на поклонение которому с'езжались по зимам самоеды со всей восточной части Большеземельской тундры.

Архангельский архиепископ Иоаникий распорядился самоедское капище срыть, построить церковь, а дьякона Ардальона Качана посвятить в священники новой церкви. По царскому указу поселок был переименован в село Петрунь.

В последующие годы с. Петрунь быстро богатело, обстраивалось, превращалось в самое крупное поселение на реке Усс. По-прежнему с'езжались в Петрунь ненцы-оленеводы, дружили, пьянствовали, торговали с петрунинцами, и каждый год новая часть ненецких стад оставалась в руках петрунинских кулаков. Петрунинцы завели обширную торговлю по всей Усе и в союзе с чердынскими купцами беззастенчиво грабили и эксплоатировали население края.

Сейчас в Петруни один из крупнейших в округе колхозов, оленеводческий совхоз, охотничья артель, неполная средняя школа с интернатом, кооператив, сельсовет. Отсюда идут в тундру культура и знания. Петрунинский красный чум, обслуживающий пастухов-оленеводов, считается самым лучшим в округе. Больше двух десятков пастухов, с помощью работников красного чума, научились в тундре хорошо читать и писать.

VII. УСТЬ-УСА.

Наконец-то Усть-Уса! Столица Советской Печоры—Печорского округа Коми АССР, будущий приполярный социалистический город.

Высокий, обрывистый берег. На уступе горы прилепилась небольшая деревушка. Крутая, насчитывающая более двухсот ступеней, деревянная лестница. И на береговой круче—торфяное болото, предвестник недалекой полярной тундры.

Три-четыре года тому назад здесь, рядом с крестьянскими избами, появилось несколько наспех собранных домиков городского типа. В них разместились вновь организованные окружные учреждения.

С тех пор в Усть-Усе произошли большие перемены. В черте будущего города идут осушительные работы, прокладываются прямые, как стрела, дороги, постепенно обрастающие стройными рядами корпусов жилых домов и учреждений. Так возникают улицы, новые населенные кварталы в тундре.

Заканчивается строительство большого Дома советов. Строится

Рис. 5. Коми-лайка—неутомимый помощник и друг каждого печорского охотника.

здание педагогического училища, общежитие студентов, городская баня, водопровод, новые жилые дома, оборудуется телефонная станция. Прокладывается прямая телеграфная линия, соединяющая Усть-Усу со столицей Коми республики—Сыктывкаром.

Имеется звуковое кино, две небольшие электростанции—речного пароходства и консервного завода. Но они уже не удовлетворяют растущей потребности поселка, поэтому запроектировано строительство более крупной городской электростанции.

Однако, строительство города идет еще слишком медленно. И неудивительно, что даже окружные учреждения скучены пока в одном доме, люди работают в невероятной тесноте и толчее. Ощущается острый жилищный кризис. Десятки приезжих работников месяцами не могут получить квартир. Некоторые уезжают обратно. Нет гостиницы или даже дома колхозника. Куда пойти? Над этим вопросом невольно задумывается каждый, приехавший в Усть-Усу ночью и не имеющий знакомых.

Дело доходит до курьезов. Строители, да и окружные организации нередко пытаются оправдать слабые темпы строительства недостатком материалов и рабочей силы. С рабочей силой, действительно, туговато. Рабочие руки нужны везде: и на лесозаготовках и сплаве, и на водном транспорте, и для работы в многочисленных экспедициях... Острая нужда в кирпиче. Казалось бы, чего проще: имеются прекрасные залежи глины: можно вырабатывать его на месте. Так нет, кирпич продолжают возить из Устьцильмы, за несколько сот километров. Загружается ненужными перевозками транспорт, удорожается стоимость, и... кирпича часто нехватает. Даже лесом получаются иногда такие же оказии: лес кругом рубят, возят, сплавляют, пилят, и лесу, особенно пиломатериалов, тоже не всегда достаточно.

Но все же Усть-Уса быстро растет и становится не только административным, но и экономическим центром округа. Здесь находится управление Печорского речного пароходства. Пристань Усть-Уса — крупный перевалочный пункт, через который идет каменный уголь из Воркуты и лес с верховьев Печоры. Недалеко расположился крупный Устьусинский оленеводческий совхоз.

Рядом с городом — Устьусинский консервный завод, работающий на сырье, получаемом от оленеводства, охоты и рыбных промыслов. В 1938 году завод выработал около 600 тысяч банок различных консервов — из говядины, оленины, рыбы и проч. Выпуск продукции постоянно увеличивается, благо, сырья сколько угодно. Например, только за один первый квартал 1939 года охотники Усть-Усинского района сдали Заготпушнине 56 тысяч одних куропаток, выполнив план на 391 проц. Значительная часть этой дичи, естественно, пошла на завод.

В Усть-Усе и во всем округе — неограниченные возможности для развития самых различных отраслей пищевой и местной промышленности и промыслов: охоты и рыболовства. И пусть это не к чести окружных работников, но они еще слишком робко, без нужного желания и большевистской настойчивости говорят об использовании этих воз-

можностей. Поговаривают, например, об организации производства клея из оленьих рогов, а вот дальше дело не идет. Беспредельные лесные пространства усеяны различными ягодами и грибами, но ни кооперация, никто другой не сумели по-настоящему развернуть их заготовку и использование в качестве ценных продуктов питания.

«За тридевять земель» везутся на Печору мебель, известь, минеральные удобрения и ряд других предметов хозяйственного и культурного обихода. Между тем, есть также прекрасные возможности для производства их на месте. И чем скорее это будет сделано, тем лучше.

VIII. КРАЙ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ.

В Двинском летописе говорится, что еще в 6936 (1428) году грек Иапойла Лариев с товарищами ездил парочно к Печоре и нашел около реки Цильмы медную руду. Первая русская экспедиция по выяснению запасов меди, серебра и железа на Печоре снаряжается в 1491 году великим московским князем Иваном Третьим.

Карамзин в своей «Истории государства Российского» так повествует об этом событии: «Доселе мы пользовались чужими драгоценными металлами, добываемыми торговлею через Югру, по издавна был слух, что страны полуночныя близь Каменного пояса (Урала) изобилуют металлами. В 1491 году два немца, Иван и Виктор, отправились искать серебряной руды в окрестностях Печоры. Через семь месяцев они возвратились с известием, что они нашли оную вместе с медью на р. Цильме, верстах в 20 от Космы на пространстве 10 верст, и с того времени мы начали сами добывать и плавить металлы и чеканить монету.»

«Того же лета (1491) октября в 20 день, — подтверждает это событие Русская летопись, — приидоша на Москву Ондрей Петров да Василий Иванов сын Болтина, что посылал князь вел. с ними немец Ивана да Виктора на Печору руду искати серебряную, и они нашли руду серебряную и медную в великого князя вотчине на реце на Цимле (Цильме), не доходя до Космы реки за полдница, а от Печоры реки за семь днищ, а вместо того, где пашни на десяти верстах, а от Москвы дотоле полчетыре (3500 верст), а нашли руду лета 99, августа 8 дня *). «Это открытие сделало государю величайшее удовольствие», — указывает далее летопись.

Немедленно же началась разработка меди, а также, вероятно, и серебра, ибо, как сообщают историки, стали чеканить русскую монету из своего печорского серебра. Для работы на открытом вновь заводе было пригнано 60 устюжан, 100 двинян и 80 пинежан.

Но разработки велись, повидимому, не очень продолжительное время. Об этом можно судить по царской грамоте, последовавшей 30 марта 1667 года на имя Пустозерского воеводы. Ему предписывалось

*) Полное собрание русских летописей, т. VIII, кн. 7. Продолжение летописи по Воскресенскому списку, П. 1859, стр. 223.

приступить к разработке залежей медной руды «с великим раденнем». Грамота указывает, что «в Пустозерском уезде есть гора, а течет из середины той горы руда белая, подобно серебру или олову, и что вытечет, то само и садится, а из той же горы висит той же белой руды в двух местах, а чаять из той руды быти серебру или олову (после слов «серебру или олову» в подлиннике следуют зачеркнутые слова: «да есть великая, а в той горе слюда, и той де слюды и на верху той горы много»), и на Цильме реке есть гора великая и в тех горах руда медная, и в прежних годах из той руды медь делали».

Далее грамота предписывает уполномоченному московского правительства Ивану Неелову: «приехав в Пустозерский острог собрать тутошних жилецких всяких людей и самоядцев и допросить их, и вел. госуд. милостию обнадежить, льготою и жалованьем, и чтоб они, надеясь великого государя на милость и жалованье сказали, в которых местах те горы и с которой горы из средины руда белая течет, и на Цильме реке или в иных в которых местах руда медная есть, и в иных горах и местах всякой руды сыскивати с раденьем». «Да где такие горы и места скажут,—говорится далее в грамоте,—и Ивану в те места послать знающих людей, которые те горные руды знают... велеть досмотреть и сметить: сколько тех мест, в которых такая руда будет и сколь далеко те места от Пустозерского острогу, а досмотря те руды, велеть копать и сыскивать с великим раденьем, не оплошно».

Как видно, доморощенные царские исследователи хотели больше загребать жар чужими руками, — куда легче, чем самим отыскивать затерянную в лесных дебрях неведомую руду!

В путешествии академика Ивана Лепехина, в статье о минералах в Мезенском крае, указывается, что в начале XVII столетия каким-то приезжим немцем устраивался в окрестностях Печоры медный завод. Но местные жители, не без основания опасавшиеся закрепощения к заводу, всеми способами старались скрыть от него местонахождение руды. Непривычный к суровому климату заводчик вскоре умер, и производство было оставлено.

«Это сведение не о заводе ли близь Великовисочной деревни?» — задает вопрос в своем дневнике В. Н. Латкин, ибо о судьбе Цильменского завода он приводит другие данные. «О заводе Цильменском есть предание, — пишет Латкин, — что в старину, от неосторожности заводчика, шахты провалились и землей завалило до 30 человек рабочих и что, вследствие этого несчастья, работы были прекращены. Другие говорят, что шахты залило водой и продолжать работы не было возможности. Вообще неизвестно, когда оставлена разработка металлов по Цильме и долго ли продолжалось производство».

Сенаторы Мертенс и Корнилов, посланные на Печору в первой четверти прошлого столетия, докладывали затем, что «там есть каменный уголь, нефть и серные источники и что в непроходимых лесах толщина и величина деревьев невероятны».

Около 1840 года медную руду по Цильме искал поверенный вятского купца Рязанцова Калашников. Поиски в основном были сосредоточены в районе старого завода, от которого сохранились еще

прежние копи и развалины строений. Он нашел, правда, в небольшом количестве, образчики богатейшей руды.

В 1864 году вновь были открыты залежи меди на берегах Цильмы: отставной межевщик Лебедев собрал и доставил в Статистический комитет очень хорошие образцы руды, содержащей около 20 процентов меди.

Наконец, экспедиция академика Ф. Н. Чернышева, снаряженная в 1889 году, после серьезного научного исследования края, доказала присутствие здесь, кроме нефти и других металлов и минералов, также и медной руды. Такие руды экспедиция встретила в ряде пунктов по рекам Цильме, Косьме и Суле.

Каменный уголь, обилием которого также славится сейчас бассейн Печоры, был известен еще в середине прошлого столетия. В 1857 году Морское ведомство в поисках угля для Архангельского порта снарядило на Печору поисковую партию под начальством горного инженера Антипова II-го. За восемь месяцев своей командировки Антипов побывал и на Тимане и на западном склоне Уральского хребта. Естественно, что на такой обширной площади небольшая партия не имела возможности заняться глубокими, серьезными исследованиями. Разведки велись только в известных к тому времени районах месторождений угля. В результате, последовал скоропалительный вывод о том, что количество угля незначительно, качество его плохое, и месторождения не заслуживают дальнейшей разведки. После этого царское правительство уже совершенно перестало интересоваться печорскими углями. «Только некоторые исследователи края», пишет проф. А. А. Чернов,—невольно обращали внимание на обилие угольной гальки, встречавшейся на берегах Печоры».

Были слабые попытки организации чугуно-литейного производства. По р. Унье, в бассейне Верхней Печоры, где располагается наиболее крупное месторождение бурых железняков, была выстроена даже небольшая доменная печь. В 1901 году она выплавила 56 пудов чугуна. Дальше этого дело не пошло.

С широким проектом «О заселении Севера империи, об улучшении положения его жителей и о развитии внешней торговли» выступил во второй половине прошлого столетия известный промышленник и исследователь Севера М. К. Сидоров. Он предлагал построить в Печорском крае широкую сеть самых разнообразных промышленных предприятий. Здесь были и лесопильный, и механический, и пороховой заводы, и коптильный—для копчения оленьих языков, окороков, рябчиков, куропаток и сельдей, и маршованный или герметический—из семги и сосвинских сардинок и рябчиков, и заводы поташа и соды, прядильный, клеевой, заводы по приготовлению спирта из мха, для приготовления наливок, и целый ряд других предприятий, работающих исключительно на местном сырье. Путем устройства хорошего сообщения между Печорой и Сибирью—через Обь, а также организации нормального морского судоходства через устье Печоры Сидоров надеялся найти широкие рынки для сбыта печорских товаров.

Помимо представления в соответствующие инстанции официальных

записок и докладов, Сидоров прибегает к самым различным формам агитации для того, чтобы заинтересовать в своих проектах правящие и деловые круги, привлечь необходимый капитал. Методы агитации в некоторых случаях были довольно остроумны.

Как хлебосольный хозяин, Сидоров устраивал в Петербурге так называемые «званные северные обеды», со своеобразием. В начале обеда хозяин об'являл, что будет потчевать гостей только рыбами Ледовитого океана, животными с Новой Земли и северными ягодами, растущими в тундрах. Подавали пироги с палтусиной, выловленной в Мурманском море, бульон из оленьего мяса с Новой Земли, свежую рыбу, кандалакскую камбалу, варангерскую треску и навагу из чешской губы; жаркое—северные куропатки с салатом из маринованной брусники, брусничного варенья и рыжиков; мороженое—из земляники и малины; фрукты—морошка, клюква и варенье из северных ягод; десерт—кедровые орехи. Вино—водка из мха, анисовка; наливки—рябиновая, смородинная, морошечная и поляночная.

Но все безрезультатно. Нередко его подымали насмех или отворачивались от него, как от человека, лишившегося рассудка.

Единственным горным промыслом Печоры, существовавшим до революции и насчитывающем больше, чем трехсотлетнюю давность, была добыча точильного камня. Когда-то, в давние времена, эти разработки принадлежали непосредственно печорским крестьянам. Грамотой царя Михаила Романова ломка камня на Печорской брусяной горе предоставлена обществам Печорскому и Устьцемскому (повидимому, при последнем числилось и Мыелдинское общество). В указе об'яснено, что по челобитью посыльщика от сказанных волостей Митрофана Габова, Печорскому и Устьцемскому обществам «за малопменнем пашенной земли, сенных покосов, а паче за недородом хлеба, предоставлены права на лов зверей и рыбы по рекам: Вычегде, Мылве, Иктыле, за волоком до Печоры и по ней вниз и в нее впадающих рекам и озерам с прочими местами, сенными покосами, рыбными ловлями и брусяным камнем по реке Соплясе».

Эти права были подтверждены последующей грамотой царей Ивана и Петра Алексеевичей. Местность, отведенная для промыслов этим обществам, была значительно расширена. Причем, последующим указом было строго воспрещено в помянутые места за промыслами ходить всем волостям, лежащим по низовью Вычегды и обывателям чердынского края, которые, повидимому, самыми беззастенчивыми способами начали пользоваться этими угодьями, особенно когда, в 1745 году, «воры и разбойники грамоты, указ и другие документы изорвали, а казну ограбили... оставя из указа только пять лоскутков».

Видимо, чердынские и другие хищники—богатеи не «мытьем, так катаньем» хотели оттягать от крестьян доходные промыслы, особенно разработки точильного камня.

И сколько ни бились, ни хлопотали после печорские крестьяне, они не могли вернуть и доказать свои права на законную свою собственность. Разработки точильного камня перешли со временем в руки частных хозяйчиков, с применением самых тяжелых форм капитали-

Рис. 6. Южная Мылва.

стической эксплоатации наемного труда. «Несмотря на обширные разработки камня,—пишет проф. А. А. Чернов,—выемка его велась кустарным способом, а выделка точил и брусков происходила в антигигиенических условиях, с широким использованием женского и детского труда».

Прежние разработки находились в Большой Точильной горе, на р. Соплесе по небольшому левому притоку средней Печоры. После пожара, целиком уничтожившего скученные домики рабочих, добыча была перенесена на р. Вою (М. Точильная гора). В некоторые годы, как указывает Чернов, выделывалось точил от 10 до 15 тысяч пудов и брусков от 300 до 350 тысяч штук. Несмотря на удаленность промысла, изделия везде находили сбыт и частью шли за границу.

В настоящее время на Вое работает большая механизированная фабрика Наркомместпрома РСФСР, вырабатывающая большое количество высококачественных брусков и точил. Производство с каждым годом увеличивается, фабрика расширяется. В октябре 1938 года, например, фабрика имела уже 248 рабочих и служащих, в том числе 18 инженерно-технических работников. Созданы благоприятные усло-

ния, способствующие росту стахановского движения и высокой производительности труда.

Таким образом, огромные природные богатства Печорского края до Октябрьской социалистической революции лежали неиспользованными. Только советская власть поставила во всей широте вопрос об изучении и освоении природных богатств Печоры. И то, что в течение нескольких веков было неподсильно царскому правительству, за самый короткий период сделало социалистическое государство. Богатейшие залежи каменного угля и нефти, радий, асфальтиты, ряд других ископаемых богатств Печоры волей большевистской партии и Советского правительства, поставлены на службу социалистическому строительству.

На Печору посылаются научные экспедиции. С 1921 года, под руководством А. А. Чернова (отца) начинается систематическая поисковая работа, в первую очередь по выяснению условий залегания углей в печорских районах западного склона Северного Урала. В. И. Ленин и затем И. В. Сталин лично проявляют исключительное внимание к развитию отдаленного и заброшенного до революции Печорского края.

Рис. 7. В верховьях Печоры. Тёв поз из.

Преодолевая огромные трудности, упорно и настойчиво работают геологические партии в незаселенном и тогда еще вовсе неосвоенном районе. В 1923 году советским геологам выпала первая крупная удача. На речке Нече, впадающей в один из притоков Усы, были обнаружены мощные выходы углей. Разведки значительно усиливаются и дают новые блестящие результаты. В последующие годы обнаруживаются пласты угля, различной мощности и качества в районах других многочисленных притоков Усы—Кажима, Кос'ю, Адзьвы, Большой Инты и т. д. Уже в 1925 году А. А. Чернов высказал предположение, что запасы углей в этом новом бассейне должны исчисляться миллиардами тонн.

Исторической датой в промышленном развитии Печорского края является 1929 год. Товарищ Сталин со всей остротой ставит вопрос о создании топливно-энергетической базы на Севере. Крупные промышленно разведывательные экспедиции исследуют необ'ятные пространства Печоры. Начинается промышленная разработка ухтинской нефти. В 1930 и 1931 годах на небольшой порожистой речке Воркуте—правому притоку верхнего течения Усы—в районе вечной мерзлоты открываются колоссальнейшие залежи углей. Устанавливается, что воркутинские угли отличаются высоким качеством всех пластов и дают хорошо спекающийся кокс.

Крупные шаги в практическом изучении производительных сил Печорского края предпринимает Академия Наук СССР. Летом 1933 года, в течение двух с половиной-трех месяцев на Печоре работает комплексная бригада Академии. В Архангельск приезжает покойный президент Академии Наук академик А. П. Карпинский, оттуда он лично руководит работой комплексной бригады. С тех пор Академия Наук в той или иной степени не перестает заниматься изучением Печоры.

Организуется промышленная эксплоатация угольных месторождений. В далекой тундре, за Полярным кругом советские люди начали создавать новый промышленный район, крупную угольную базу, призванную снабжать топливом Советский Север.

В 1933 году на Воркуте уже было добыто 40 тысяч тонн угля. Вступают в строй две шахты с годовой производительностью в 150 тысяч тонн каждая. Через тундру, для вывоза угля к Усе, прокладывается узкоколейная железная дорога.

И сейчас за Полярным кругом быстро растет социалистический город Воркута—новый промышленный центр Севера. Залитая ярким светом электрических ламп, расступается тундра, отдавая на службу народу замечательные свои богатства, так долго и упорно скрываемые под унылым покровом из вечной мерзлоты, дикого ягеля и низкорослого приполярного кустарника.

Отбойные молотки и врубовые машины упрямо вгрызаются в мощные угольные пласты. Добыча угля непрерывно растет и составила в 1938 году 203 тысячи тонн. Все это лишь начало. Перед Воркутой—блестящая будущность.

Город обрастает просторными жилыми домами, подсобными промышленными предприятиями, культурно-бытовыми учреждениями. К

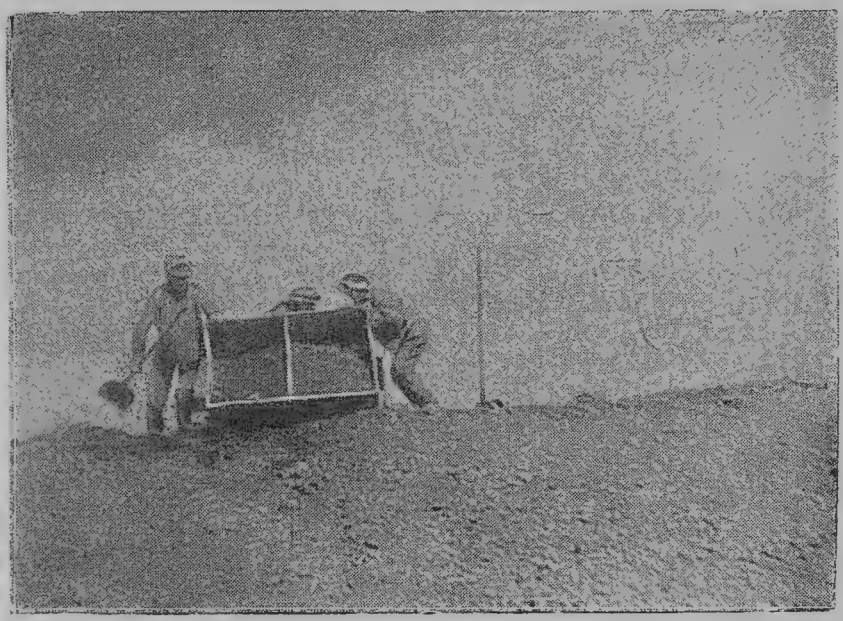

Рис. 8. Добыча каменного угля.

началу 1939 года было построено свыше 60 тысяч кубометров жилых и промышленных зданий. На все строительство, включая и шахтное, в 1938 и 1939 годах расходуется 60 миллионов рублей.

Предположения профессора Чернова, сложившиеся в результате многолетних исследований, блестяще оправдались. Площадь исключительных по своим размерам угольных месторождений постоянно увеличивается. И уже не за горами настоящее промышленное освоение новых богатейших угольных районов Средней Печоры.

Но не одним углем, ухтинской нефтью и ижемскими асфальтитами славится Печора.

Советские геологи, скромные, порой неизвестные исследователи земных недр, превращают край в неисчерпаемую сокровищницу самых разнообразных природных богатств.

На Средней Печоре, в западных отрогах Урала, обнаружен новый обширный район с признаками нефтеносности. В районе Ухты осваиваются горючие и благородные газы. Организована добыча и переработка радиоактивных вод. Около горы Сабли (Уральский хребет), в 40 километрах от селения Аранец, недавно обнаружены отложения хрусталя. В 1938 году там работала специальная геологическая экспедиция по выяснению запасов и ценности месторождений, а также возможности их промышленной разработки.

М. К. Сидоров сообщает, что его доверенные находили золотоносные россыпи в бассейне одного из притоков Печоры — реки Щугор. В дневнике В. Н. Латкина приводится сообщение о том, что он слышал о

золотоносных песках по реке Илыдзь. Проф. А. А. Чернов подтверждает: действительно, есть указания на золото в верховьях различных правых притоков Печоры.

В вершинах Печоры, в области истоков Б. Порожной на массиве Большого Болвана, была найдена на заросшем склоне глыба гематита около полуметра в поперечнике. Предполагаются залежи здесь красных железняков, ибо по условию нахождения глыбы на вершине массива нельзя думать, что она принесена издалека.

Известны значительные месторождения бурых железняков. Магнитные аномалии, изредка наблюдавшиеся в Печорском крае, подтверждают наличие здесь и магнитных железняков. В районе полярного Урала Чернов предлагает даже искать свою гору Магнитную.

Ижма и ее притоки имеют обширные залежи серного колчедана. По определению академика Ферсмана ижемские колчеданы отличаются высоким содержанием серы. Работа 1932 года показала, что и Пай-Хой является продолжением металлоносной зоны Вайгача. Район Пай-Хоя имеет громадную колчеданную базу, позволяющую по-новому ставить вопрос об обеспечении сырьем серно-кислотной промышленности.

По р. Цильме ведется кустарная разработка шифера (глинистого сланца), залежи которого здесь чрезвычайно обширны. В районах Ухты, Верхней Печоры и Цильмы встречаются кварцевые пески, причем, по Цильме мощность залегания их доходит до 30 метров, на протяжении 40 километров. В различных районах находятся минеральные краски, Уса имеет хорошие огнеупорные глины, в пределах Тимана сосредоточены громадные запасы девонских и каменноугольных известняков, являющихся богатейшим источником строительного материала.

Азбест обнаружен в 1921 году по Егра-Ляге, в бассейне Илыча, и в 1935 году—на Сабле. По Ижме, Ухте и Цильме имеется гипс. Есть указания, правда, еще не подтвержденные, на месторождения графита. В верховьях Илыча, в местности Шантым-Прилук, открыты свинцовые руды. Имеется свинец на Цильме. В целом ряде районов встречаются медные руды.

Таков, далеко неполный, перечень ископаемых природных богатств Печорского края, значительная часть которого до сих пор все еще остается загадкой для геологов. Печора ждет новых и новых энтузиастов-исследователей. И нет сомнения, что с их помощью она одарит страну еще большими дарами, исключительными по своим размерам и разнообразию.

Наконец, кроме ископаемых и лесных богатств, край имеет огромнейшее количество белого угля—водных путей, имеющих, кроме транспортного, крупное энергетическое значение.

...В Архангельске, на краевой конференции по изучению производительных сил, проходившей еще в период первой пятилетки, между двумя учеными возник интересный спор. Жалуясь на слабую разведанность северных окраин, проф. Едемский закончил свою речь патетическим восклицанием:

— Мы знаем о геологии части северных районов не больше, чем о геологии луны.

Рис. 9. Берег реки Щугор—притока Печоры.

Проф. Чернов (отец) «позволил себе не согласиться с уважаемым коллегой».

Стенограмма передает: «Я скажу,—возражает Чернов,—что дай бог так изучить Печорский и Полярный край, как мы знаем луну. (Смех). Если бы мы имели такие хорошие карты, как для луны, мы бы давно эксплоатировали печорские угли. О строении поверхности луны, о ее геологическом строении мы можем рассказать значительно больше, чем о Печоре».

Теперь положение значительно изменилось. Печора уже не пугает своей неизведанностью и недоступностью. Советские ученые открыли

Рис. 10. Ландшафт Илыча—притока Печоры.

путь для выхода богатств края. За две сталинские пятилетки проведена огромная работа по промышленному освоению Печоры. После осуществления величайшего плана третьей сталинской пятилетки Печора станет солидным индустриальным районом страны, крупной топливной базой ее Европейского Севера.

IX. НЕОБОЗРИМЫЕ ЛЕСНЫЕ ПРОСТОРЫ.

На огромнейшей площади свыше 14 миллионов гектаров*) раскинулись леса Печорского бассейна,—необозримые таежные просторы, где, в отдельных местах еще и теперь редко-редко ступает нога человека.

Основные насаждения печорских лесов—еловые, под которыми находится 9,3 млн. гектаров, и сосновые—3,3 млн. гектаров,—золотой фонд края. Свыше 200 тысяч гектаров занимает лиственница.

Отдельные зачатки лесной промышленности Печоры мы видим еще несколько веков тому назад. Есть сведения, что еще царь Иван Грозный в XVI веке продал в Англию крупную партию печорского корабельного леса.

Но особенный интерес к лесам Печоры появился в начале прошлого столетия. В 1809—13 гг. и позже, в 1830—31 гг. была сделана попытка перевозить лес с Печорского бассейна на Вычегодский через сухопутные волока и затем сплавлять в Архангельск (морского пути на Печору в то время, как мы знаем, еще не было). Из-за больших трудностей, а главным образом из-за дороговизны, дело это успеха не имело.

В 1840 году купец В. Латкин, обращаясь в министерство с просьбой о дозволении открыть путь с моря на Печору, ходатайствовал также о беспошлинном отпуске югорского леса в возмездие за его труды и издержки. В просьбе ему было отказано, как в «несбыточных мечтах».

В 1860 году морское сообщение с Печорой все же было открыто. А уже в 1862 году печорская лиственница была вывезена М. Сидоровым на Всемирную выставку в Лондоне. Лиственница была признана превосходной. Ее немедленно же закупило английское морское министерство и употребило на постройку первого броненосного фрегата «Каледония».

Через несколько лет на печорские лиственничные леса обратило внимание голландское адмиралтейство, а затем и русское. По мнению специалистов, лиственница, в некоторых случаях, с успехом могла заменить в судостроении дорогой американский тик.

Первая партия печорской лиственницы была доставлена Сидоровым в Кронштадт в 1867 году. Это был первый корабль, пришедший с Печоры в финские воды. А в 1869 году лес снова был привезен на пароходе и двух кораблях.

Однако, подобные заготовки лиственницы не велись систематиче-

*) Включая Ухту, Кедву, а также Илычский заповедник.

ски, они носили лишь экспедиционный характер. Более постоянная эксплоатация печорских лесов началась с 1897 года, с проникновением сюда иностранных капиталистов. Лидбек—контрагент Аксель Ф. Энгваль законтрактовал 1.820 тыс. бревен. Компания Ульсен Стампе также законтрактовала в 1900 году 1.650 тыс. бревен. С 1905 года началась ежегодная заготовка около 200 тыс. бревен для 10-рамного лесопильного завода, построенного в устье Печоры.

Эксплоатация лесов отличалась самым хищническим характером. Разработками охватывались в основном прибрежные полосы, не дальше 5—6 километров вглубь от рек. Выбирались лучшие деревья исключительно крупных размеров. Заготовка производилась только в сосновых насаждениях и вырубалась преимущественно сосна.

Возникали лесные пожары, охватывающие огромные пространства. Это также было делом рук иностранных хищников,—за древесину, заготовляемую на месте пожарищ, нужно было платить значительно меньше пошлины. Гибло много ценной древесины. И в наследие от подобного хищничества осталась масса разброжешных, сильно зафауученных лесных массивов, вдобавок поврежденных пожарами.

Беспощадно эксплоатировались местные крестьяне-лесорубы. Они работали за нищенскую плату, жили в курных лесных избушках, в постоянном холоде, грязи и дыму.

Богатейшие лесные массивы Печоры долгое время были совершенно не исследованными. Изучение их началось только в нынешнем столетии. В 1907—11 гг. вдоль Печоры и ее притоков производится исследование лесных площадей речным способом. Охвачена полоса шириной в 12 километров—1.624 тыс. гектаров. В 1914—15 гг. было проведено сплошное исследование на площади 1.381 тыс. гектаров. В годы мировой империалистической войны все работы по лесоустройству были прекращены, возобновились они уже спустя значительное время.

Широкое экспедиционное исследование лесов Печорского бассейна было произведено в 1926 году. Как и прежде, был применен речной способ с охватом 12-километровой прибрежной полосы вдоль р. Печоры и ее притоков. Однако, более полные данные о состоянии лесов Печоры удалось получить только в 1931 году в результате работы большой экспедиции под руководством инженера Зиновьева. Обследование производилось по методу статистического учета по сети параллельных визиров в широтном направлении, с запада на восток, с расстоянием между визирами от 16 до 24 километров. Трест «Комилес» и теперь пользуется данными этой экспедиции.

В 1933—34 гг. для изучения печорских лесов была применена аэрофотос'емка. В этот же период произведены специальные исследования лиственных пород и лиственницы.

Огромнейшие лесные пространства Печорского бассейна таким образом в основном изучены и благоустроены. Запасы насаждений исключительно велики и представляют собой неисчерпаемую базу для еще большего развития лесной промышленности Печоры. Приведем несколько цифровых данных. Общее количество спелых и приспевающих лесных насаждений только на территории трех леспромхозов

Печоры—Кожвинского, Устьцилемского и Ижемского—составляло на 1-е января 1939 года*) 392.950 тысяч кубометров. В том числе 259.230 тыс. кубометров еловых насаждений, 87.046 тыс. кубометров сосновых и 23.940 тыс. кубометров лиственничных.

В Троицко-Печорском районе, в верхней части бассейна Печоры, кроме обширных лесных площадей, находящихся в ведении леспромхоза, управления лесов местного значения и колхозов, один миллион гектаров занимает Печоро-Ильичский государственный заповедник.

Несмотря на ежегодный рост лесозаготовок в бассейне Печоры, используется пока еще незначительная часть прироста. Лесозаготовки «Комплеса» в трех районах Печорского округа составили в 1938 году 272 тыс. кубометров заготовленной и 307 тыс. кубометров вывезенной древесины.

Лес имеет огромное значение в народном хозяйстве Печоры, как и во всем социалистическом хозяйстве нашей страны. Лесная продукция имеет первостепенное значение, наряду с металлом, каменным углем, нефтью. Наряду с удовлетворением нужд промышленности, строительства и потребностей трудящихся, продукция лесного хозяйства занимает первое место в экспорте Советского Союза.

Коренным образом изменились методы работы в лесу. Ведется плановая, построенная на научных данных, эксплоатация лесных площадей. В лесу, вместо грязных избушек с каменными очагами, без окон и полов, выросли настоящие рабочие поселки с хорошими домами, клубами и красными уголками, фельдшерскими пунктами, столовыми, банями, ларьками и магазинами.

Облегчается труд лесорубов. Широкое применение находят себе лучковые пилы и другие рационализированные инструменты. Строятся усовершенствованные лесовозные дороги.

Как и на других участках социалистического строительства Печоры в лесу выросла большая армия ударников и стахановцев, показывающих исключительные образцы трудового героизма в борьбе за выполнение своих обязательств перед социалистическим государством, за дальнейшее культурное и экономическое процветание Советской Печоры.

X. ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ.

М. К. Сидоров описывает интересный случай, происшедший в 1870 году на Мануфактурной выставке в Петербурге. В числе посетителей выставки был великий князь Константин Романов. Осматривая в Северном павильоне экспонаты выставки, он наткнулся на витрину с печорским хлебом, доставленным сюда Сидоровым.

— А это что за дрянь? — спросил великий князь.

— Действительно, сущая дрянь, — подтвердил Сидоров. — Это хлеб из мхов, соломы, древесной коры, листьев, кала животных, приготовленных на крови оленей и диких зверей. Жители принуждены питаться

*) По Кожвинскому леспромхозу данные на 1-е января 1938 г.

этой дрянью, отчего слабеют их силы и происходит сильная смертность, особенно новорожденных.

Не надо было «днем с огнем» искать для выставки подобные экспонаты. Они были почти в каждой крестьянской избе. Даже отдельные представители царского чиновного мира сообщали о полных трагизма картинах исключительного обнищания народных масс Печорского края. Чиновник особых поручений при Архангельском губернаторе Чубинский в одном из номеров «Архангельских губернских ведомостей» писал: «Известно, что народ нигде так не бедствует, как на Печоре. Там он, перепробовав все суррогаты хлеба из мхов, древесной коры, листьев и соломы, начал есть хлеб из крови оленей и диких зверей, смешанный с древесными предметами». Закабаленный со всех сторон, ограбленный и доведенный до отчаяния народ был обречен затем на голодное вымирание.

Сидоров еще раз пытается прошибить стенку лбом. Он доказывает князю о необходимости развития промыслов на Печоре, чтобы обеспечить жителям края человеческое существование. Он напоминает о том, что еще с 1801 года печорцы безуспешно посылают в Петербург делегатов с ходатайством о разрешении заняться разработкой лесов, нефти и других естественных произведений, о чем заботился в свое время Петр Первый.

Великий князь поспешил побыстрее отделаться от слишком беспокойного, назойливого просителя. А затем, как с горечью рассказывает Сидоров, увидев на выставке экспонаты горной смолы и каменного угля, князь даже усомнился в существовании нефти на Печоре.

Чего ж хорошего можно было ожидать от подобного тупицы, бывшего одним из «вершителей судеб» царской России?!

Да и могло ли быть иначе? Ведь еще несколько десятков лет тому назад среди, так сказать, «просвещенных сиятельных» кругов высказывались мнения о том, что Печорский край — это мертвая, ледяная пустыня и что даже по улицам Архангельска свободно разгуливают белые медведи...

Мы уже приводили выше одно из заявлений подобного рода «просвещенных» людей — воспитателя царя Александра третьего — генерал-адъютанта Зиновьева, утверждавшего, что «на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы» и что какого-то там Гольфстрема также быть не может. А вот что говорил на заседании III отделения Вольно-экономического общества 27 апреля и 5 мая 1867 года архангельский вице-губернатор Сафронов, состоявший затем при министерстве финансов: «Каким образом мы заключим контракт с природою, чтобы почва, которая там климатическими условиями обречена на бездействие, сделалась бы лучше, или климат изменился, чтобы зима сделалась короче, морозы легче, и наконец, чтобы там возможно было водворить какой-либо живой элемент?».

Колхозники Печоры не заключали контрактов с природой. Они побеждают природу. И побеждая, имеют, кроме продуктов, получаемых от животноводства, изобилие своего, настоящего добротного хлеба, имеют

картофель, различные овощи, выращенные на своих колхозных полях, на своей обновленной советской земле. Высокие урожаи дает появившаяся в последние годы пшеница. На колхозном столе появляются собственные огурцы и помидоры.

Происходит быстрый рост посевных площадей. В 1912 году во всем Печорском крае, включая сюда и Ненецкий национальный округ, посевная площадь составляла 3050,9 гектаров. А в 1932 году только по трем районам Печорского округа Коми АССР посевные площади одного лишь колхозно-крестьянского сектора выражались в 3780 гектаров, а к 1-му января 1938 года они увеличились до 6600 гектаров, из них 5050 гектаров было засеяно зерновыми культурами.

Осваиваются новые площади, на далекий Север проникают новые культуры, родиной которых издавна считалась средняя полоса России.

Развитию социалистического земледелия колхозной Печоры много способствует работа Печорской сельскохозяйственной зональной станции Наркомзема РСФСР. За годы советской власти она превратилась в подлинный научный центр сельского хозяйства огромнейшего района.

Создана прочная производственная база для научной работы. Подсобное хозяйство станции состоит из 12 гектаров пашни. 65 гектаров сенокосов, 27 гектаров пастбищ. Имеются парники, теплицы, овощехранилище и т. д. Стадо крупного рогатого скота выросло в 1938 году до 46 голов и является показательным для колхозов.

Станцию интересует широкий и самый разнообразный круг вопросов. Организация и испытание севооборотов, и влияние углубленного пахотного горизонта на урожай ячменя, и сроки и нормы высева льна, и влияние удобрительных поливок на урожай картофеля, и контрольно-семенной анализ посевного материала колхозов, и многое другое, — все это в конечном счете направлено на получение высоких и устойчивых урожаев.

В различной обстановке, при различных условиях, вновь и вновь повторяются опыты. Нередко с опытных участков они переносятся на колхозные поля. И когда уже все тщательно выверено, взвешено, учтено, — тогда только делаются окончательные выводы, каждый раз вносящие революцию в ту или иную отрасль сельского хозяйства края.

Озимая рожь в 1938 году дала в среднем 40,3 центнера с гектара, а отдельные ее сорта свыше 43 центнеров. Урожай озимой пшеницы достигает почти 37 центнеров, а некоторых сортов картофеля — 400 центнеров с гектара. Можно подумать, что это происходит на плодороднейших землях основных хлебных районов Союза, а не на тяжелых суглинистых и супесчаных почвах Крайнего Севера.

Результаты опытов в широких размерах переносятся на колхозные поля и подкрепляются все более обильными урожаями. Советские ученые и колхозники вдребезги разносят заумные, бредовые теорийки о невозможности земледелия на Печоре.

С 1936 года станция культивирует невиданное на Печоре растение — помидоры. Хорошее вызревание в парниках и теплицах и высокие урожаи вполне подтвердили возможность продвижения этой куль-

туры на Север. В прошлом году помидоры уже успешно выращивались в некоторых колхозах Устьцилемского района.

Развесистая клюква — северная ягода, да морошка и брусника, — если мороз не побьет, — вот и все «лакомства», отпускаемые суровой печорской природой. Как и водится, советские ученые не захотели помириться с подобной скудостью. На станции организуется, небольшой пока, ягодный питомник. Появились саженцы малины, нескольких сортов земляники, клубники, черной смородины.

...Наступила зима — первое серьезное испытание для новых зимовщиков, вывезенных из Никольского плодово-ягодного питомника. Трещали морозы, доходившие нередко до сорока и пятидесяти градусов. Немало переволновались за эту долгую зиму работники станции. Удастся ли опыт? Выживут ли зимующие без покрышек и доверху заметенные снегом саженцы? Зато сколько было радости, когда зазеленели, зацвели молодые побеги. Малина «Новость Кузьмина», прозимовавшая теперь уже несколько лет, прекрасно чувствует себя и на Крайнем Севере. Очень незначительное количество вымерзших растений дали земляника и другие привозные культурные ягодники.

Несколько лет велись также наблюдения над дикими ягодниками — черной и красной смородиной. Они отличаются хорошей выносливостью к суровым климатическим условиям, ранним созреванием ягод и высокой урожайностью, представляя этим большую ценность.

И нет ничего удивительного в том, что окрыленные успехом люди хотят пойти дальше, сделать скудную вековушку-природу краше и богаче, заставить ее приносить обильные дары. Сочные и вкусные ягоды не станут уже «заморской роскошью». Зазеленеют, расцветут перед каждой колхозной избой палисадники, ярко и нежно распустятся яблони...

Печора — район молочного животноводства. Поэтому серьезное внимание опытной станции направлено на улучшение стада, правильное его содержание и повышение продуктивности молочного скота. Учитываются результаты метизации местного беспородного крупного рогатого скота с холмогорской породой. Разрабатываются и проверяются схемы выпойки телят, проводятся различные опыты по воспитанию телят, правильному содержанию их в пастбищный период (опыт загонной пастьбы и создания искусственных пастбищ) и т. д. Установлено, что применение загонной пастьбы дает больший процент живого веса телят и на 30 проц. повышает продуктивность естественных луговых пастбищ. Еще лучший привес дают телята при пастьбе в клетках с искусственным травостоем.

Изучается и обобщается опыт передовиков борьбы за высокую удойность молочного скота в колхозах. В этом отношении особо показательным является опытное стадо станции. Например, только за десять месяцев 1938 года было надоено на каждую молочную корову в среднем 2534 килограмма молока. От местной коровы «Белоголовой» за 215 удойных дней (из 300) получено 3475 кгр. молока. Другая местная корова «Красотка» дала за 279 дней 4803 кгр. А первотелка «Ася» — помесь местной породы с холмогорской — за 317 дней надоила 3510 кгр. молока.

Овцеводство постепенно превращается в одну из значительных отраслей колхозного животноводства Печоры. Но беспородная северная овца мелка и грубошерстна. И печорские колхозники давно уже хотели иметь такую овцу, которая давала бы много хорошей шерсти и мяса, чтобы даже самый большой мороз не мог пробить шубу, сшитую из густого и мягкого меха такой овцы.

В конце 1937 года станция завезла с опытной целью одиннадцать мясо-шерстных овец из породы ромни-марши (9 баранов и 2 матки). Овцы были распределены по девяти колхозам Усть-Цилемского и Ижемского районов. Станция начала метизацию местных овец с породистыми.

Сравнивая местную овцу с ромни-марши, колхозники сразу увидели, какую большую ценность представляет завезенная вновь порода. Обычный четырехлетний баран ромни-марши, переданный колхозу «Красный октябрь», весил 100 килограммов и давал 8 кгр. шерсти в год. Настоящей козявкой оказался перед ним такой же местный, беспородный баран. Он весил всего 22 килограмма, а годовой настриг шерсти с него был меньше в восемь раз.

Результаты метизации также оказались самыми наилучшими. Метис ромни-марши 72 дней от роду весил 19,5 кгр., а 86-дневный местный ягненок — только 7,6 кгр. От 4-месячного метиса было получено уже 890 грамм шерсти — годовой настриг взрослой беспородной овцы. Породистая овца становится желанной гостьей в колхозных дворах.

Результаты научных работ станции не замыкаются в рамках собственного опытного хозяйства. Каждое новое достижение широко пропагандируется и передается колхозам. Держится постоянная живая и письменная связь с активистами-колхозниками и хатами-лабораториями. Показательный факт: только за один 1938 год двести колхозников приезжали знакомиться с различными опытами; кроме того, свыше 120 колхозников побывали в качестве экскурсантов. Проведены первые на Печоре курсы овцеводов. Колхозы снабжаются сортовыми семенами. Например, в 1938 году передано колхозам три тонны одного сортового картофеля.

Ряд научных опытов по животноводству и растениеводству проводится непосредственно в колхозах.

Работники станции вполне заслуженно гордятся своими успехами. Но они считают, что это еще только начало и не думают успокаиваться на достигнутом. Они настаивают на укреплении производственной базы и расширении опытов. Директор станции, молодой специалист тов. Рочев совершенно правильно ставит вопрос о постройке образцового механизированного скотного двора, об организации химической лаборатории для производства различных анализов, о расширении пахотной площади — путем освоения новых земель, об организации опытов по пчеловодству и т. д. Он также вполне справедливо требует издания сборника научных работ станции.

Печорская сельскохозяйственная опытная станция должна стать крупной научной базой, обслуживающей все отрасли социалистического сельского хозяйства районов Крайнего Севера автономной республики Коми.

Еще три-четыре года назад устьцилемские и устьусинские колхозники отказывались сеять рожь.

—Ничего не выйдет, не будет расти,—слышался обычный ответ.

А осенью 1938 года на районной сельско-хозяйственной выставке в Устьцильме колхоз имени Куйбышева демонстрировал свою собственную рожь, урожай которой составлял 17 центнеров с гектара. Этот случай уже не представлял исключения. Немало других колхозов, убежденных опытами станции, смело принялись за посевы озимой ржи и других новых культур. Колхозы «Урожай», «Песчанка», «Восковец», Устьусинского района, сеют уже по несколько гектаров. В Устцилемском же районе, по экспонатам выставки, представлявшей, к сожалению, далеко не все колхозы, можно было видеть, что рожь на Крайнем Севере, при своевременном посеве и правильной агротехнике, обеспечивает получение высоких и устойчивых урожаев.

Возьмем для примера еще один колхоз — «Красная звезда», представивший на выставку самые разнообразные экспонаты с данными о высокой урожайности: озимая рожь «Вятка»— 18,5 центнера с гектара, ячмень местный — 15,5 цент., картофель местный — 400 цент., брюква — 500 цент., морковь — 430 цент., огурцы — 11 кгр. с парниковой рамы и т .д.

Так, год за годом, Печора все более и более настойчиво становится из потребляющего района — производящим районом. Теперь же, в связи с предстоящим огромным развитием производительных сил края, возрастает и потребность в продуктах сельского хозяйства. И несомненно, что большинство из них уже можно будет получить на месте.

Молочное животноводство и оленеводство становятся также все более высокопродуктивными отраслями сельского хозяйства колхозной Печоры. Несколько цифр. По данным Госплана Коми АССР общее количество крупного рогатого скота в колхозно-крестьянском секторе Печорского округа на 1-е января 1933 года составляло 19310 голов, а к 1-му января 1938 года было уже 31010 голов. На каждые 100 колхозных хозяйств в Устьцилемском районе приходилось 368 голов и в Усьтьусинском — 370 голов обобществленного крупного рогатого скота. В индивидуальном пользовании колхозников на каждые 100 хозяйств приходится в среднем по округу 83 головы крупного рогатого скота, а в Ижемском районе — 87 голов. В умелых руках колхозных доярок самые обыкновенные печорские коровенки дают сплошь и рядом по 2 тыс., а отдельные и до 4 тыс. литров молока в год.

Колхоз имени Орджоникидзе, Устьцилемского района, кандидат на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, полностью ликвидировал

бескоровность колхозников. На каждый колхозный двор здесь приходится, вместе с общественным стадом, по пять голов крупного рогатого скота. Успешно ликвидируют бескоровность колхозников десятки других передовых колхозов округа.

Непрерывный рост оленьего стада характеризуется следующими, правда, еще не совсем точными данными Печорского окружного земельного управления. На 1-е января 1936 года в колхозно-крестьянском секторе округа числилось 46.109 оленей. Через два года было уже 86.936 оленей, а к концу 1938 года предполагалось увеличить оленье стадо до 107 тысяч голов. Кроме того, свыше 33 тыс. голов оленей имели на 1-е января 1938 года оленеводческие совхозы округа. Однако, учет в необ'ятной тундре до сих пор еще отстает от действительности, и есть основания предполагать, что эти данные несколько преуменьшены.

Самый лучший в округе оленеводческий колхоз «Путь Ленина» участник Всесоюзной с.-х. выставки и награжденный орденом Трудового Красного знамени, имел к началу 1938 года 6520 оленей, а на 1-января 1939 года уже 7390 голов. Кроме того, за последний год он продал 685 оленей другим колхозам. Естественный прирост за год выражается в 24,8 процента. Общий доход колхоза в 1937 году составил 186 тысяч рублей, из них 80 тысяч рублей было получено от оленеводства. Доход за 1938 год составил 235 тыс. рублей, в том числе оленеводство дало 125 тыс. рублей и молочное животноводство свыше 37 тысяч рублей. Семья члена этого колхоза — стахановца-оленевода Ефима Антоновича Рочева, бывшего подневольного пастуха-батрака, заработала в 1938 году 3410 трудодней. На эти трудодни причиталось: 6485 рублей одними деньгами, 43 центнера зерна, 852 килограмма мяса, а также значительное количество других продуктов сельского хозяйства.

Вот она, полная довольства и изобилия, настоящая колхозная зажиточная жизнь!

Для полноты картины познакомимся еще с колхозом «Трактор», того же Ижемского района, также участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Около 400 хозяйств, об'единяемых колхозом, имеют в общественном пользовании 400 га пашни, 509 голов крупного рогатого скота, 7000 голов оленей. Из 424 тыс. рублей общего дохода, полученного за 1937 год, половину составили доходы от молочного животноводства и оленеводства. Знатная доярка этого колхоза Мария Канева надоила за год в среднем на каждую молочную холмогорскую корову 3492 литра молока, заработав 604 трудодня. Канева — также участвовала на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

«...При отсутствии ветеринарной помощи оленеводство не может быть прочным промыслом для населения и останется в руках отдельных лиц. Заинтересовать все население в этом чрезвычайно выгодном промысле возможно лишь, когда будет найдено и будет применяться на деле верное средство от падежа». Так писал в своей книге «Печорский край» врач С. В. Мартынов, обследовавший Печору в начале нынешнего столетия.

Советская наука нашла это верное средство. Полностью ликвидированы повальные болезни, опустошавшие когда-то оленьи стада. Организуется широкая ветеринарная помощь. Помимо большого количества районных и участковых ветеринарных работников, в округе работает пять постоянных ветеринарных тундровых отрядов, находящихся непосредственно на пастбищах. В тундре работает экспедиция Наркомзема РСФСР по обследованию и освоению новых пастбищ. Несколько передвижных красных чумов несут оленеводам культуру и знания.

И оленеводство, составлявшее монополию «отдельных лиц» — ижемских и нетрунинских богатеев, превратилось в высокодоходную отрасль колхозного производства и находит себе все более широкое распространение. Например, только в одном Усть-цилемском районе в 1938 году имели оленьи стада уже 14 колхозов, при чем, 8 из них обзавелись оленями за последние год-полтора.

Возникает еще одна, совершенно новая, высокодоходная отрасль колхозного производства. В колхозе имени Кирова Ижемского района уже несколько лет существует единственная в Советском Союзе колхозная звероводческая ферма голубых песцов. На ферме постоянно находится 26 зверьков: 16 маток и 10 самцов. Они хорошо плодятся. За первые три месяца 1939 года колхоз сдал Заготпушнине 17 шкурок голубых песцов, выручив за них свыше одиннадцати тысяч рублей. В шести колхозах Ижемского и Усть-цилемского районов идет подготовка к организации колхозных звероводческих ферм черно-серебристых лисиц. Они будут получены из Ширшенского зверосовхоза, под Архангельском.

Так преображается лицо советской колхозной Печоры. Осуществляя принятый XVIII с'ездом большевистской партии план развития народного хозяйства СССР в третьей сталинской пятилетке, печорские колхозники борются за новый, небывалый расцвет своего социалистического сельского хозяйства. Замечательная сталинская путевка ведет к новым, замечательным победам.

XI. К РАСЦВЕТУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

«В сыртах не встретишь Геликона,
На льдине лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зыряпам Тютчев не придет...» —

писал в прошлом столетии дворянский поэт-лирик Фет, крайний консерватор и крепостник по своим убеждениям.

Недалеко же было видно с высоты дворянско-помещичьей колокольни. Дошли сюда и Тютчев, и классики мировой и русской литературы и яркие, волнующие произведения советских писателей.

В больших колхозных селах, на лесных разработках и стройках, в далеких, заброшенных в тайгу выселках, — везде с одинаковой любовью читают Пушкина и Гоголя, Синклера и Диккенса, Шолохова и Толстого... На одном из пассажирских пароходов Печоры молодой па-

ренок, помощник машиниста, с упоением вчитывался в строки бессмертных комедий Тита Марция Плавта. Книга эта перебывала уже у значительной части судовой команды, — античная литература также находит себе благодарных читателей. И уже не редкость, когда где-нибудь в лесной чаще, у костерка с весело бурлящим чайником, ученый-геолог и простой рабочий изыскательской партии в часы досуга поочередно наслаждаются томиком Пушкина.

Об интересном, но уже не из ряда вон выходящем случае, рассказал заведующий Печорским окружным отделом народного образования. В одной из отдаленных деревень Устьусинского района появилась книга «Как закалялась сталь» — Н. А. Островского. Вначале книгу читали одиночки. Потом пошли громкие читки, привлекавшие с каждым разом все больше слушателей. Женщины и подростки, седые старики, с неотрывным вниманием часами слушали простой и чудесный рассказ, отображающий величие борьбы за идеи социализма, за власть советов. Надолго запечатлевался образ мужественного сына советского народа, воспитанника ленинского комсомола и большевистской партии Павла Корчагина. Вскоре о замечательной книге прослышали колхозники, находящиеся на лесозаготовках. Из леса приехал посланец с твердым наказом всей бригады: привезти книгу...

Потоки различной литературы, расходящейся по Печоре на русском, коми и ненецком языках, не могут удовлетворить возрастающего спроса. Книга стала насущной, жизненной потребностью твердо вступившего в культуру народа.

В районах Печорского округа к 1938 году было до десятка солидных библиотек (помимо школьных, профсоюзных и передвижных), в которых насчитывалось около 54 тысяч книг. И это еще далеко недостаточно для населения, грамотность которого за годы советской власти увеличилась в несколько десятков раз.

Выросла густая сеть школ. По данным Нархозучета Коми АССР, на 1-е октября 1938 года в 102 начальных и неполных средних школах Печорского округа обучалось 7950 детей. Беспрерывно строятся новые школы. Дети колхозников, рабочих и служащих учатся в средних школах, специальных техникумах, в высших учебных заведениях. Сотни колхозников учатся на различных курсах, готовящих специалистов различных отраслей сельского хозяйства, в школах повышенного типа для взрослых, наконец, в школах по ликвидации неграмотности и малограмотности. Только в одних начальных и неполных средних школах Печорского округа в начале 1938—1939 учебного года работало свыше 270 учителей.

Трудящиеся Печоры успешно осуществляют предоставленное Сталинской Конституцией право на образование. Характерные данные в этом отношении представил в своем заявлении о желании участвовать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке колхоз «Трактор», Ижемского района. В начале 1939 года 345 детей членов этого колхоза обучались в различных школах, 24 — в техникумах и 3 — в высших учебных заведениях. Окончили техникумы и Вузы 62 человека. Кроме того, 46 колхозников окончили различные курсы: трактори-

стов, комбайперов, бригадиров, доярок и т. д. Пример колхоза «Трактор» также не является исключением.

В округе 18 клубов, десятки изб-читален и красных уголков. В тундре работают так называемые передвижные красные чумы. Они становятся настоящими культурными очагами и охотно посещаются оленеводами. В 1938 году уже было организовано пять таких чумов с тридцатью культработниками (в 1937 году был только один, с одним культработником). В каждом красном чуме свыше 500 экз. книг, различные газеты и журналы, патефон с большим набором пластинок. Имеются две узкопленочные кино-установки, радио-приемники. Десятки пастухов-оленеводов в красных чумах ликвидировали свою неграмотность.

В районных центрах, в затонах и на предприятиях имеются собственные радио-трансляционные узлы с сотнями радиоточек, работают стационарные звуковые киноустановки и кинопередвижки. В каждом районе издается своя печатная газета. Кроме того, выпускаются газеты: окружная — орган Окружкома ВКП(б) и Окрисполкома, и водницкая — орган Политотдела Печорского речного пароходства.

И все же уровень культурно-массовой работы, особенно в селах и на лесозаготовках, значительно отстает от возросших культурных запросов трудящихся и задач, поставленных партией и правительством. Руководящие окружные организации сознают подобное отставание и стараются, правда, еще иногда очень слабо и неуверенно, заполнить этот существенный пробел.

Вплоть до самой революции трудящиеся Печоры лишены были даже самой элементарной медицинской помощи. В тундре властвовали шаманы, в деревнях колдовали и паговаривали знахари, да повивальные бабки. Непрекращающиеся повальные болезни и голодовки косой косили особенно бедняцкое население. А детская смертность даже в таких больших по тому времени центрах, как Устьцильма и Ижма, доходила в начале нынешнего столетия до ужасающих размеров — 60—70 процентов.

Вот как описывает С. В. Мартынов *) состояние медицинского обслуживания населения в то время. «Весь Печорский край **), — пишет он, — разделен в медицинском отношении на два врачебных участка. Площадь первого участка, с центром его в с. Устьцильме, равняется (согласно годового отчета полиции) 91.147 кв. верст, и населения в нем, считая самоедов Устьцилемского и Пустозерского ведомств, насчитывается—мужчин 9274, женщин—9718, всего—18992 человека, размещающихся в 118 населенных пунктах. Медицинский персонал участка состоит из одного врача, двух при его амбулатории и больнице лекарских учеников и двух пунктовых фельдшеров — в Красноборской и Пустозерской волостях. Фельдшериц-акушерок нет, их

---

*) «Печорский край», СПБ, 1905 г., стр. 232, 236, 240.

**) Включая нынешний Ненецкий округ и Троицко-Печорский район.

заменяют две повивальные бабки, одна в Устьцильме, другая—в Пустозерске». И «если обширен участок одного врача, то участок другого неизмерим. Он не имеет точно определенных размеров и, по мнению врача, наиболее отдаленная деревня находится в 355 верстах от Мохчи, где он сам живет. Но это — только предположение: участок простирается до Уральских гор и Сев. Ледовитого океана, идя по правому берегу Печоры, захватывает Печорский край и Карское море. На всем этом пространстве, поистине чудовищном, имеется один врач, при нем один фельдшер и две повивальные бабки. Единственный фельдшерский пункт находится в Усть-Кожве, у верховьев Печоры».

Но «если для населения Печорского края мало доступна амбулаторная помощь, — писал далее С. В. Мартынов, — то помощь больничная совсем отсутствует. В 1903 году на население в 37.253 чел. имелась одна больница приказа общественного призрения в Устьцильме на 4 кровати и один приемный покой на 2 кровати в с. Мохче...». Однако и эти жалкие места большей частью пустовали. В 1900 году, судя по отчетам, больничной помощью пользовались только 37 человек, в 1901 г.—27 и в 1902 году—26 человек.

Большевистская партия и советское правительство проявляют исключительную заботу о здоровье трудящихся, о счастливом материнстве, о радостной жизни советских детей. Сгинули калечившие народ шаманы и знахари. Свыше 200 медицинских работников — врачей, фельдшеров, акушерок, сестер и т. д. культурно и заботливо обслуживают население Печорского округа. Новые больницы, родильные дома, детские ясли, сады и площадки, — все это предоставлено к услугам трудящихся. К началу 1939 года в округе имелось 8 больниц на 185 коек, 40 фельдшерских, фельдшерско-акушерских и акушерских пунктов, 10 детских ясель на 114 коек. Колхозы Ижемского и Устьцилемского районов выстроили и оборудовали три собственных родильных дома. Помимо этого имеется большое количество лечебно-профилактических учреждений Печорского водздравотдела и других организаций. Дети имеют хорошо оборудованные площадки и сады.

Ликвидированы социально-бытовые и эпидемические заболевания. Крепнет, наливается здоровьем счастливый советский народ. Многие сотни рабочих и колхозников из самых отдаленных уголков Печоры побывали на различных курортах и в санаториях. Немало драгоценных человеческих жизней спасено при помощи санитарной авиации, в любое время и при любых условиях с полной готовностью откликающейся на каждый экстренный вызов. Санитарные самолеты посещают такие места, куда, казалось, и «Макар телят не гонял».

В конце июля 1938 года Наркомздрав Коми АССР получил из Устьцильмы телеграмму о том, что тяжело больной А. В. Тороповой срочно требуется помощь опытного врача-хирурга. Из Сыктывкара немедленно же вылетел санитарный самолет с хирургом на борту. Расстояние в 750 километров было покрыто за четыре часа беспосадочного полета. Оказалось, что больная находится в Росвинском поселке, за много десятков километров от Устьцильмы. Условия не позволяли произвести операцию на месте. Хирург остался в Устьцилемской боль-

жище и начал готовиться к операции. Пилот снова в воздухе, — вскоре он находит поселок, мастерски садится на миниатюрной поляне. После операции в Устьцильме жизнь больной была спасена.

У жителей Устьцильмы также надолго останется в памяти самоотверженный подвиг архангельского врача-хирурга тов. Плотникова. В начале ноября 1938 года он прилетел на самолете санитарной авиации для оказания срочной хирургической помощи тяжело больной колхознице. Посадка была совершена в труднейших условиях. Чтобы попасть к больной, нужно было перейти на другой берег реки Печоры, только-что покрывшейся тонким осенним льдом. Плотников, вместе с летчиком Ретьковым и бортмехаником Ревякиным решили ползком перебраться через реку. Лед трещал и проваливался. Но это не остановило мужественных людей,—там, на другом берегу, находилась в опасности человеческая жизнь. И помощь подоспела во-время!

XII. ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

«Товарищ Сталин особенно заботится о развитии печорских углей. Эти печорские угли надо развить для Севера и Ленинграда, построив там Ухто-Печорскую железную дорогу и вывозить этот уголь и нефть (там она есть) в центр страны, в Ленинград. Сейчас мы уголь возим из Донбасса на самый крайний север и в Архангельск. Конечно куда легче будет вывозить туда уголь ухто-печорский».—Так говорил Лазарь Моисеевич Каганович в своей речи на историческом Восемнадцатом

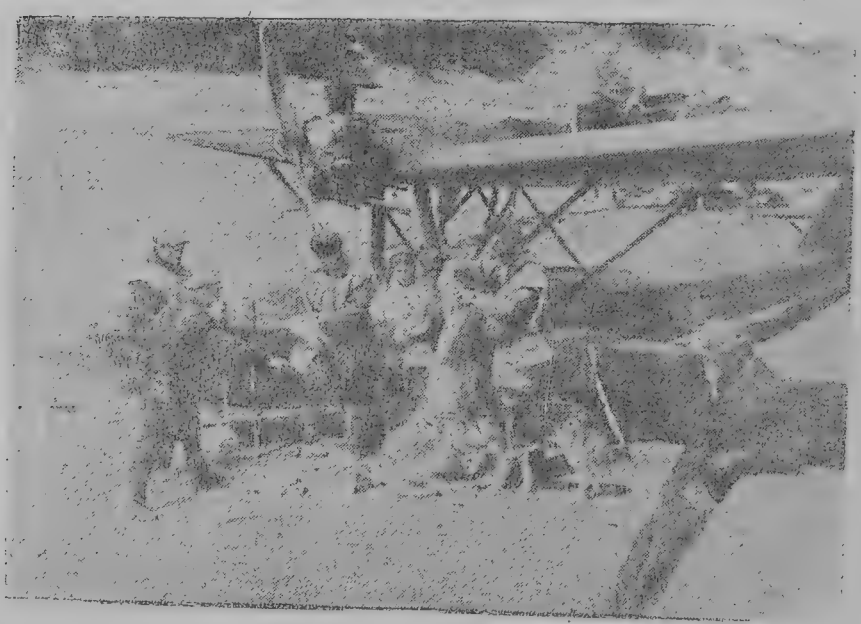

Рис. 11. Самолет совершил посадку в тундре.

С'езде партии, утвердившем новый грандиознейший план победного шествия социализма в третьей сталинской пятилетке.

И стоит через несколько лет снова побывать на Печоре, чтобы увидеть еще более цветущий, еще более замечательный, согретый сталинской лаской и заботой край, увидеть все величие претворяемого в жизнь сталинского плана промышленного и культурного развития богатейшей Советской Печоры.

В третьей пятилетке будет закончено строительство магистрали Котлас — Воркута — Ухто-Печорской железной дороги.

И даже из окна комфортабельного железнодорожного вагона прямого сообщения Москва—Воркута можно будет наблюдать величественную панораму раскинувшихся на огромных пространствах сталинских новостроек,—заново возрожденный и преображенный революцией необ'ятный край.

Целлюлозно-бумажный комбинат стоимостью в 45—50 млн. рублей и лесопильный завод будут выстроены к концу третьей пятилетки в Княжпогосте. Ухта будет иметь несколько солидных и благоустроенных промышленных городов с десятками тысяч населения. Огромное развитие получит промышленная эксплоатация других природных богатств Ухтинского бассейна. В дремучей тайге и суровой приполярной тундре вырастет целая сеть оживленных железнодорожных станций со своими депо, мастерскими, заводами, складами,—со всем большим и сложным железнодорожным хозяйством.

Третья пятилетка дает Печоре большое количество новых, самых различных промышленных предприятий. В Устьцильме и Мохче заработают механизированные сыроваренные заводы. Лесопильный завод в Кожве, районный промышленный комбинат, известковый завод и электростанция — в Усть-Усе... Возникает целый ряд предприятий пищевой и местной промышленности.

Скоростные пассажирские самолеты будут летать на постоянных воздушных линиях, связывающих районы Печоры с Сыктывкаром. А отсюда самолеты полетят на Москву.

Новые еще более замечательные школы, клубы, театры, Дома культуры, детские ясли и сады вырастут в районных и промышленных центрах, десятках возникающих вновь крупных поселений. Усть-Уса получит новую гостиницу и обширный физкультурный стадион, в Ижме создается автомотоклуб.

Десятки и сотни самых сложных сельскохозяйственных машин выйдут вновь на колхозные поля. И печорские колхозники получат еще более высокие, невиданные урожаи.

А на очереди вновь огромнейшее по своим размерам строительство. Составлен предварительный проект нового великого водного пути в Северо-восточной части Союза — Камско-Вычегодско-Печорского транспортно-энергетического комплекса. Первая очередь строительства по комплексу—Соликамский гидроузел—очередная задача гидростроительства в третьей пятилетке.

Вторая очередь строительства Камско-Вычегодско-Печорского

комплекса обусловливается требованиями Большой Волги и запросами индустриального строительства автономной республики Коми.

Осуществление этой части проекта произойдет путем строительства гидроузлов Устькуломского (на реке Вычегде) и Митрофановского (на реке Печоре) с сооружением при них также мощных и глубоководных водохранилищ. Русла рек получат значительно большую глубину. Это позволит значительно улучшить судоходство и открыть много новых пароходных линий.

Ухта-Печорская железная дорога и канал Кама—Печора—Вычегда дадут новые богатейшие возможности экономического развития края. Водно-железнодорожным путем печорские угли получат наиболее легкий выход на Каму к промышленному Уралу. Печорский лес водным путем пойдет на юг. Ухтинская нефть будет питать весь европейский север Союза.

Кроме того, на базе энергии Печорской и Устькуломской гидростанций в районах гидроузлов вырастут новые и новые деревообрабатывающие, целлюлозно-бумажные, лесохимические и другие промышленные предприятия. Вместе с ростом производительных сил края будет развиваться дальше и сельское хозяйство, еще более широкие размеры примут охота, рыболовство и т. д.

Сталин заботится о Печоре! Этим сказано все. Сталин,—имя это — путеводная звезда к дальнейшему блестящему промышленному и культурному расцвету Советской Печоры — будущего крупного индустриального района страны.

АБОНЕМЕНТ
Обл. Центр. Бібліотекалöн
— Сыктывкар —

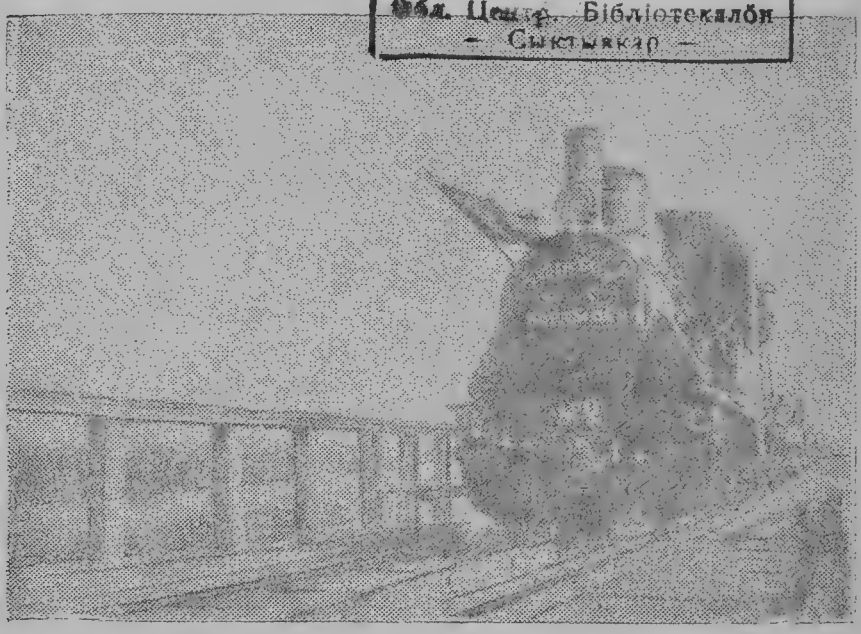

Рис. 12. Поезд идет на Север.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Печорский клин 3
II. Разбуженная тайга 4
III. Ухтинская нефть 10
IV. Через ижемские пороги 18
V. Вот она, Печора! 23
VI. Усть-Цильма 31
VII. Устьуса 37
VIII. Край природных богатств 38
IX. Необозримые лесные просторы 49
X. Обновленная земля 52
XI. К расцвету социалистической культуры 59
XII Взгляд в будущее 63

Редактор — *П. И. Муравьев.*
Ответств. по выпуску — *Я. Рочев.*
Технический редактор — *О. Размыслова.*

Уполн. Главлита № 928. Заказ № 218. Издание № 8. Тираж 3000 экз.
Стат. формат бумаги 60×92; 1/16. Печ. листов 4,25. Учетно-авт. листов 5
Сдано в набор 24/I-40 г. Подписано к печати 22/II-40 г.

Типография НКМП, Коми АССР, гор. Сыктывкар, Дом печати.

2